

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ  
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

---

# БЮЛЛЕТЕНИ

Г. А. Х. Н.

под редакцией Ученого Секретаря  
Академии проф. А. А. Сидорова

6—7

МОСКВА

1927.

Печатается по распоряжению Правления ГАХН  
Ученый Секретарь  
Проф. А. А. Сидоров

Редакция выпуска закончена 1 марта 1927 г.

---

Главлит 91.681.

Тираж 500.

---

Типография Пром.-Кооп. Артели „Полиграфист“, Покровка, 4. Тел. 73-99.

## СОДЕРЖАНИЕ.

---

Стр.

СКРЯБИН В НАШИ ДНИ. К. Кузнецов. . . . .	5
ОТЧЕТ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ ГАХН: IX-XII 1926	
Социологическое отделение . . . . .	12
Отдел по изучению искусства народов СССР . . . . .	17
Физико-психологическое отделение . . . . .	19
Философское отделение . . . . .	32
Литературная секция . . . . .	38
Музыкальная секция . . . . .	46
Театральная секция . . . . .	51
Секция пространственных искусств . . . . .	56
Секция декоративных искусств . . . . .	67
Психофизическая лаборатория . . . . .	71
Хореологическая лаборатория . . . . .	75
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Устав Г. А. Х. Н. . . . .	78
Распоряжения по Н. К. П. № 41 и 42 . . . . .	83
Действительные члены Г. А. Х. Н. . . . .	85

---

## Скрябин — в наши дни.

В отношении Скрябина господствует большая спутанность мнений. На одной стороне, с его именем связана крупная и значительная работа, производимая рядом наших музыкальных ученых, исследователей текста, педагогов. В первую очередь назовем почти законченное уже, новое, исправленное издание фортепианных композиций Скрябина, предпринятое Музыкальным Сектором Гос. Издательства. Правда, это издание почти всегда опирается не на подлинные скрябинские манускрипты (последние — не в распоряжении Муз. Сектора), а на самостоятельную проработку печатного текста.<sup>1)</sup> Против такого метода можно было бы возразить. Но будущие поколения сумеют оценить этот громадный труд, ибо в нем нашли свое отражение драгоценнейшие, живые, сведения современников Скрябина, близких ему людей. В этом смысле подчеркнем, что „новое, исправленное издание“ сочинений Скрябина есть, по своему, первый критический опыт изучения текста — с огромным, подлинно-историческим значением. Далее, упомянем существенное обогащение документальных данных о Скрябине: опубликованы письма к его юношеской любви — Сикериной<sup>2)</sup> к издателю — М. П. Беляеву<sup>3)</sup>; Гершензон дал сводку философских записей Скрябина и напечатал текст „Предварительного Действия“<sup>4)</sup>. Пополнилась мемуарная литература о Скрябине — пусть спорными, но живыми и интересными „Воспоминаниями“ Сабанеева<sup>5)</sup>; очень жаль, что уже подготовленные тетушкой и воспитательницей композитора Л. А. Скрябиной воспоминания о детстве и юности А. Н. — так и остались до сих пор не напечатанными<sup>6)</sup>.

<sup>1)</sup> В отдельных случаях работу облегчают корректурные оттиски (для Юргенсоновских изданий) с собственноручным пометками Скрябина и Н. С. Жиляева, который вместе с композитором корректировал ряд его последних сочинений (напр. 8, 9, 10-ю сонаты). Но ведь Н. С. и теперь, в отношении нового издания, принимает активное участие.

<sup>2)</sup> Письма А. Н. Скрябина под ред. Л. Л. Сабанеева. Центроархив. 1923.

<sup>3)</sup> Переписка А. Н. Скрябина и М. П. Беляева. 1894—1903. Госфил. 1922.

<sup>4)</sup> Русские Пропилеи. Том 6. 1919.

<sup>5)</sup> Л. Сабанеев. Воспоминание о Скрябине. Музсектор. 1925.

<sup>6)</sup> Эти воспоминания Л. А. Скрябина готовила таким образом: первоначальный текст приводился в более систематический вид при моем участии; ряд мест возникли как бы в ответ на мои вопросы Л. А. диктовала, а я записывал.

Менее обширна научная и научно-историческая литература о Скрябине, но все же и здесь интерес к композитору может быть отмечен: так во втором выпуске Временника Ленинградского Института Истории Искусств, Римский-Корсаков, внук, занят изучением явлений цвето-слуха у Скрябина, проблемой, которая на Западе продолжает сохранять актуальность<sup>1</sup>). Наконец, не станем закрывать глаз, что Скрябин—глубоко проник в учебно-педагогическую программу наших музыкальных школ, и такой факт, как исполнение в один вечер всего цикла Скрябинских фортепианных сонат классом А. Б. Гольденвейзера (18 апреля, Малый зал Консерватории) свидетельствует о широте размаха, с каким музыкальное наследие Скрябина вошло в воспитательный оборот.

А на другой стороне—достаточно свидетельств отрицания, развенчания скрябинского эстетического авторитета. С чьейто легкой руки за этим мечтателем и энтузиастом укрепился эпитет „буржуазности“, а от „буржуазности“ не трудно было перейти и к его, Скрябина, „упадочности“. В связи с бетховенским юбилеем можно было натолкнуться на утверждения, что, если творчество Бетховена „живет“, то творчество Скрябина все больше „мертвеет“. Где—„мертвеет“? На Западе? Но на Западе, об'ясняет нам Борис Шлецер, неуспех скрябинской музыки коренится именно в том пафосе, взрывающем действии его искусства, какой чужд „буржуазному миру“. Итак, на одной стороне, у нас Скрябина некоторые хотят причислить к апостолам буржуазного упадничества, а на Западе не принимают, потому что он —„взрывчатый“! Какой-то клубок невыясненностей, мешающих критическому отношению к проблеме: „Скрябин в наши дни“. Совершенно ясно, что не терпимо такое положение когда, на одной стороне, музыкальные итоги творчества композитора государство стремится дать всем в доступной по цене, изящной, критически-проработанной форме, а на другой стороне, творчеству приписывается характер какого-то „вредного наркоза“.

Но, может быть, еще не наступил момент для спокойной, об'ективной оценки жизненной миссии Скрябина? Может быть, еще слишком недавно он расточал вокруг себя особенное, какое-то магическое-притягательное действие? Принадлежит ли уже Скрябин истории?

На этот вопрос должен быть дан положительный ответ. „Скрябинская эпоха“, „скрябинские настроения“—смотрят на нас из какого-то отдаленного прошлого, хотя всего 12 лет протекло со дня смерти композитора. Частные и общие причины сыграли свою роль в этом создании исторической грани

<sup>1)</sup> Римский-Корсаков, Г. М. Расшифровка световой строки Скрябина- ского „Прометея“. De Musica. Выпуск II.

между нами и Скрябиным. Среди частных причин нельзя не отметить, что эффект скрябинской музыки в сильнейшей степени зависел от обаяния его личного пианистического гения. И его смерть—отдалила в известной мере самые вещи. Но это, конечно, лишь одна из частных причин. Можно было бы указать и на то, что самая острота „скрябинизма“ должна была породить психологическую реакцию. В этом смысле весьма характерным симптомом после-революционных годин явилось возрождение „культа Чайковского“. Ослабление скрябинизма как-бы расчищало почву для более об‘ективной оценки Чайковского. Но, восстанавливая справедливость в отношении этого гения, следует ли поносить Скрябина? Разумеется, нет.

За частными причинами, отдалившими от нас Скрябина, не проглядим, однако, более общих и более существенных причин. Ясно, прежде всего, что между нами и Скрябиным пролегло 10-тилетие одного из величайших кризисов в истории человечества. И все то, что по ту сторону перевала, с неумолимой быстротой унеслось в „историческое прошлое“—в том числе и Скрябин, и наш юношеский, трогательный и безупречно-чистый скрябинизм.

Но такая формулировка, об‘ясняя быстроту и решительность превращения Скрябина в одну из звезд музыкально-исторического небосклона, не исключает постановки вопроса в другом разрезе. Судьба Скрябина есть судьба всех тех творческих величин, которые доводя до высшего напряжения определенный художественный стиль, ставят себя на краю грани, за которым лежат истоки нового художественного стиля. Нельзя уж теперь отрицать, что скрябинские синтетические гармонии мешали широте мелодического течения, а его комбинационные ритмы как-бы дробили силу музыкального движения.

В близких нам столетиях легко подметить несколько переломных моментов. Так напр., куда делось в 18-м столетии, во второй его половине, искусство Иоганна Себастиана Баха, искусство грандиозной и вместе с тем, сложнейшей полифонии. Баха забыли или полузабыли на добрые полстолетия. А на его месте стал победоносно себя утверждать новый „галантный“ стиль, от обаятельных примитивов Перголезе, Самmartини, сыновей Баха и до представителей венской школы. В творчестве Глюка, Моцарта, Гайдна и, конечно, в особенности в творчестве раннего Бетховена этот стиль 18-го века как-бы переживает свою мужественную зрелость. В творчестве Бетховена уже не трудно открыть ту предельную сложность и головокружительную высоту космических созерцаний, за которыми должна была последовать и фактически последовала музыкально-эстетическая реакция в виде гораздо менее сложного, менее философского, менее насыщенного роковыми „проблемами“ искусства Вебера, нашего Глинки, итальянцев—с Россини во

главе. В годы, когда Бетховен работает над „Торжественной мессой“ и „9-й симфонией“, Вебер сочиняет своего „Волшебного стрелка“ (первая постановка в 1821-м году). Так рядом с предельной „зрелостью“ одного стиля (поздний Бетховен) перед нами—одно из первых самообнаружений нового стиля, стиля ранней музыкальной романтики с ее народной песнью, живым, тоже близким к народу, танцем<sup>1</sup>.

Но приведем и в отношении Скрябина несколько поучительных хронологических сопоставлений. Годы 1911—1913-й: Скрябин сочиняет поздние, фортепианные вещи, Поэму-Ноктюрн (оп. 61), 6-ю, 7-ю, 8-ю, 9-ю, 10-ю фтп. сонаты. Прокофьев сочиняет свою 2-ю фтп. сонату. Год 1914-й: „К пламени“ Скрябина; „Скифская сюита“ Прокофьева. И еще одно, знаменательное, сопоставление: 1915-ый год; Скрябин—среди работ над „Предварительным Действием“, а Прокофьев принимается за „Сказку про шута, семерых шутов перешагнувшего“—окончена была „Сказка“ в 1920-м году.

Вопрос о соотношении творчества Скрябина и Прокофьева в сущности еще не поставлен. Так и Н. С. Жиляев в своей статье о „Характерных чертах творчества Прокофьева“ (История русской музыки, под ред. К. Кузнецова. I. 1924) нашел возможным обострить контрасты, не затронувши общей почвы, на которой они встречались (Дебюсси) и, главное, не отметивши явных следов воздействия Скрябина на Прокофьева—например, в № 18-м из „Мимолетностей“ (в № 2 скрябинизм несколько затемнен дебюссизмом, хотя он здесь и существует—равно как и в особенно дебюсситском, № 7). Но все же это—„следы“, а не коренные, внутренние связи! И совершенно не случайно появление Прокофьева и его творчества подняло такую бурю непризнания в лагере скрябинистов: его обвиняли в грубости и даже в „футболизме“. Одним словом, повторилась обычная история, на какую приходится наталкиваться всякий раз, когда совершается заключение одного цикла художественной эволюции и начинается течение другого цикла.

С тех пор прошло не мало лет. И каких! Скрябин и его искусство смотрят уже из отдаленного прошлого, а Прокофьев—сам на некотором перепутьи. Что-же касается молодежи, то она, поддаваясь крепким импульсам музыки Прокофьева, в тоже время скорее чужда обаянию Скрябина.

Но история музыки знает не мало примеров, когда к композиторам, на время отодвинутым новыми течениями, сно-

<sup>1</sup>) В области инструментальной музыки я приписываю исключительную, по обнаружению нового, после-бетховенского, стиля, роль „Венгерским дивертисментам“ Шуберта (для фтп. в 4 руки): здесь уже—„Рапсодии“ Листа; здесь уже—„Шехерезада“ Корсакова. Какой мелос, сила ритмики! Какая новизна „ладального“ мышления!

ва возвращаются, если в них есть подлинная художественная жизнь. О возрождении интереса к Себастиану Баху в конце 18-го века говорилось часто и убедительно. Любопытно сослаться на параллельное явление в отношении Генделя: историк музыки 18-го в., англичанин Берней, по поводу концертов памяти Генделя в 1784-м году, писал, что эти исполнения являются поворотным пунктом в „музыкальных анналах“; искусство Генделя, называемое некоторыми „готическим, не элегантным, неуклюжим“, сумело утвердить свое право на существование—рядом с новым „грациозным, элегантным и капризным“ (*fantiful*) стилем (ср. E. van den Straeten, Charles Burney in the light of his letters, *Musical Times*, June 1, 1926, стр. 514). В известной степени то же явление повторилось и для Бетховена. Некоторое ослабление интереса, внимания к его искусству в последние годы его жизни, быстро сменяется новым, напряженным бетховенским энтузиазмом—первое время во Франции, в близком к июльской революции Париже. Известный французский историк музыки Прод'омм в двух превосходных своих статьях о „Бетховене в Париже“ и о „Бетховене во Франции“ (J. G. Prod'homme, *Beethoven in Paris, The Chesterian, March, 1927; Beethoven en France, Mercure de France, 15 Mars 1927*) рассказал нам об этом „возрождении Бетховена“, в частности о знаменитых исполнениях на консерваторских концертах (с 1828-го года), где не только для Берлиоза, но и для Вагнера симфонизм Бетховена раскрылся во всей своей полноте.

Можно ли ждать некоторого возрождения интереса к творчеству Скрябина? Я склонен этот вопрос решать положительно.

Есть в творчестве Скрябина ряд основных свойств, которым композитор оставался верен. Обнаружить их—значить указать на то, что постепенно, шаг за шагом, должно вернуть композитору как бы новое признание. На первый план, в этом смысле, нужно поставить—огромный запас внутренней теплоты, способной то согревать нежным ласканием, то опалять буйным пламенем. И не случайна скрябинская родословная: Шопен, Лист, Вагнер, Чайковский—с их активным излучением тепловой энергии. Здесь—одно из качеств скрябинской музыки, нужное нашему времени. Годы, десятилетия грозных событий, напряженнейших испытаний, тяжких потерь и лишений—сделали нас „не-эмоциональными“. Возьмите одно из наиболее примечательных произведений нашего времени, фп. сонату ор. 12 Д. Шостаковича. Ее хвалил Прокофьев (ср. интервью в „Муз. и Революции“, № 3, 1927). С Прокофьевым молодого композитора соединяет очень многое: здоровое, уверенное в себе чувство силы, жизненной положительности. Превосходное авторское ее исполнение оставляет по себе впечатление молодой и стойкой энергии, но и вместе с тем эмоциональной

бедности. Впрочем, в Lento (на 5/4) ощущается мимолетное присутствие скрябинских нежных касаний. Но не зашли ли мы слишком далеко в этом походе по адресу „эмоциональности“, какой на Западе об‘явил Стравинский (по линии струнных инструментов)? Не требует-ли жизнь от искусства более мягких линий, атмосферы большей теплоты? Думается, что это — так. А потому и искусство Скрябина, искусство громадной эмоциональной насыщенности, способно сыграть свою „смягчающую“ роль.

Другой момент в творчестве Скрябина—большая „серьезность“ его художественного облика. Здесь даже есть элемент некоторой односторонности: улыбка „иронии“ слишком редко пробегает по его чертам, тем более злая, убивающая ирония—сарказм. Но то, что есть минус, узость в скрябинском художественном размахе, может послужить как бы некоторым противовесом против безусловной гипертрофии „шутки“, „шутовства“ в после-военном искусстве. И Прокофьев, и Стравинский (возьмем даже „Свадебку“) перегнули палку в этом направлении. Творчество Скрябина, для которого жизнь была не только и не столько об‘ект для острой, пронизывающей иронии, сколько значительный, серьезный подвиг, могло бы внести здоровый противовес.

Но есть и еще одно качество в художественном облике Скрябина, которое способно приблизить его в отношении нашего времени. После лет депрессии, борьбы с внешними и внутренними стихиями, жизнь начинает выравниваться, начинает испытывать „под‘емность“. Но ведь искусство Скрябина с огромной силой выразило этот клич нарождающейся, возрождающейся жизни. И воплотил Скрябин свои взлеты в каких-то новых, до него не испытанных, ненайденных формах энергии. Многое говорилось и писалось о постепенной „де-материализации“ искусства Скрябина. Но настоящей, музыкально-философской правды на этот счет не было сказано. Скрябина иногда сравнивают с эльфом—как бы подчеркивая воздушность, непринужденную легкость и грациозность его музыкальных движений. Но это сравнение делает Скрябина чуть-чуть „последним из мира старой романтики“. И он будто дает повод к тому же—неосторожными заглавиями своих пьес: „Листочки из альбома“ и т. д. Но в скрябинской легкости нужно уметь заметить то, что его делает остро современным композитором: его музыкальная энергия, своей почти невесомостью и неощущимостью, как бы воплощает новые формы энергии, утонченные, но не менее, а даже более активные, какие выдвигает новейшая наука и улавливает, умеет использовать современная техника.

Но что в сущности, означало позднее творчество Скрябина и почему оно оказалось столь глубоко связанным с искусством?

вом Дебюсси? Первый на это влияние Дебюсси у позднего Скрябина указал Н. С. Жиляев. Через Дебюсси Скрябин как-бы преодолевал свой повышенный индивидуализм, „сверхчеловечество“ своих более молодых, творческих порывов. Знаменательны моменты стремления к самоограничению личности, которые выразительно о себе заявляют в поздних пьесах Скрябина. Композитор как бы склоняется перед грандиозным зрелищем стихийно-органических сил, чувствует огромность подвига, который он на себя готов принять. Но в противоположность Дебюсси—и здесь пункт об‘ясняющий нам, почему многие поклонники Скрябина готовы протестовать против со-поставления русского композитора с Дебюсси—Скрябин не дает себя растворить в мировых, устойчивых, как-бы статических, закономерностях. Он—до конца жизни—динамичен, нервно-напряжен и активен. Можно даже утверждать, что в поздний период творчества Скрябина как-бы отмечал со стороны позаимствованные образы движения, его раньше отяжелявшие: не случайно на своем опусе 47-м он ставит характерное название: *Quasi-Valse*—как-бы вальс. Отныне господствует свободный полет ритмической фантазии, не затрудненный готовыми фигурами. Так и у Бетховена—менуэт переобразовался в скерцо.

Трудно заранее предвидеть те вехи, по каким будет совершаться органическое усвоение творчества Скрябина в будущем. Естественно и, конечно, желательно поставить первое время акцент на творчестве Скрябина более ранних и средних опусков. Так ведь случилось и с творчеством Бетховена, как-бы этапами раскрывавшимся 19-му веку. Очередь за Скрябиным поздним придет не сразу, а цикл его сонат от 6-й до 10-й, как и вообще заключительные акты его творчества, никогда не сумеют приобрести характер широкой распространенности. Но ведь и поздние бетховенские квартеты как и многие из заключительных творений Шопена, Листа, в сущности, остались какими-то, в своей высоте и сложности, изолированными явлениями музыкальной жизни.

К. Кузнецов

# ОТЧЕТ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ ГАХН: IX-XII 1926.

## Социологическое Отделение.

За период от сентября по декабрь 1926 г. Пленум Отделения имел три заседания, посвященные заслушанию нижеследующих докладов:

4/X—доклад В. Ф. Переверзева: „Эстетические воззрения Писарева“. Докладчик считает, что Писарев отрицал эстетику, так как в пределах миросозерцаний и философских систем своего времени не видел возможности создать действительно материалистическую эстетику. В прениях по докладу приняли участие: П. Н. Сакулин, отметивший противоречивость эстетических воззрений Писарева и его пренебрежение к вопросам художественной формы; Б. С. Чернышев, утверждавший, что в теории, так наз. „антропологистов“ была доля истины; И. Н. Кубиков возражал против сравнительной оценки эстетики Писарева и Чернышевского, как она дана докладчиком; Л. И. Аксельрод отметила актуальность критики утилитаристической эстетики для нашего времени, считая, что эстетика „антропологистов“ была все же шагом на пути материализации эстетики. 15/XI—доклад Л. П. Гроссмана: „Английский производственный роман эпохи Шекспира“. Доклад содержал в себе изложение и анализ произведений Т. Делоне. В прениях по докладу принимали участие Д. С. Усов, Н. К. Гудзий, Н. М. Черемухина, М. М. Клевенский, В. Ф. Переверзев и Л. И. Аксельрод, интересовавшиеся истоками творчества Т. Делоне и отмечавшие, что его следует считать поэтом скорее ремесленной буржуазии, нежели бедняков, а его романы бытовыми, а не производственными. Докладчик в заключительном слове признает более точным определение романов Делоне как „романов ремесленных“. 14/XII Доклад Н. Л. Бродского: „Социологический комментарий к рассказу М. Горького „Челкаш““. Докладчик критикует определение М. Горького как пролетарского писателя и марксиста, считая, что в ранний период своего творчества он был под сильным влиянием идей народничества. Путем сравнительного анализа разночтений текста различных изданий докладчик приходит к выводу, что в более позднюю эпоху, уже после революции, Горький смягчил эту народническую нотку. В прениях по докладу приняли участие В. Л. Львов-Рогачевский, С. М. Брейтбург, М. М. Клевенский, указавшие, что М. Горький вообще никогда марксистом не был и что в его ми-

ровоззрении не произошло каких либо особо существенных изменений по сравнению с ранним периодом. М. М. Клевенский отметил ряд неправильных утверждений докладчика и не всегда точных определений типов из повести „Челкаш“, что по его мнению обусловлено тем, что докладчик заострял свои суждения для доказательства своей точки зрения. Л. И. Аксельрод указала на положительную сторону доклада—его тенденцию к пересмотру оценки творчества М. Горького. Хотя марксисты никогда не считали Горького своим, но об этом никто не писал. Единственная работа в этом направлении Л. И. Аксельрод в России напечатана не была.

Комиссия по социологическому изучению литературы во исполнение намеченного ею задания занималась изучением русской новеллы конца XIX в. На эту тему было прослушано 2 доклада:

25/X—Н. Бельчикова: „Мужики Чехова и современная публицистика“. Докладчик на основании архивных и библиографических изысканий, показал что должно пересмотреть уставновившееся в истории русской литературы положении о влиянии народничества на Чехова. 22/XI—доклад С. М. Брейтбурга: „К социологии персонажей „народной“ новеллы Толстого 80-х гг.“. Докладчик показал, что в „народной“ новелле Толстого нет крестьян, что эта масса представителей крупно-помещичьей среды, аллегорическое выражение мировоззрения Толстого. В развернувшихся прениях был поднят вопрос, нельзя ли эти новеллы назвать „новеллами“ с заданием.

Вне плана был прочитан 6/XII Б. П. Козьминым доклад „Ткачев, как литературный критик“. Докладчик устанавливал на основании неизданной статьи Ткачева его непосредственную связь с Писаревым и вообще с шестидесятниками, вносявшими в литературную критику методы естественных наук.

Работа комиссии по социологическому изучению нового русского искусства велась по двум направлениям, с одной стороны продолжалась работа по составлению биографических карточек на художников-передвижников, с другой—продолжалось заслушивание докладов, как по общим вопросам художественного движения 70-80-х гг., так и по освещению творчества отдельных художников.

По первому разделу работы были заслушаны 21/X дополнительные сведения о художнике В. Васнецове, собранные С. Гольдштейн и 3 ноября—карточка на художника В. Д. Поленова, составленная Н. С. Моргуновым.

По второму разделу работ были заслушаны доклады:

2/XII—С. Н. Дурылина: „Художник деревни В. Максимов“. Докладчик отмечал, что истоками творчества В. Максимова было народное искусство, его живопись является выражением

крестьянства, а не интеллигентского подхода к деревне; В. Максимова можно считать одним из засинателей так наз. „усадебного“ пейзажа. В прениях по докладу отмечался интерес передвижников к натюрморту. 16/XII—доклад А. Греча: „Живописное наследие Федотова в живописи передвижников“. Докладчик отмечает, что передвижники и в сюжетном и в формальном отношениях во многом продолжали традиции Федотова, но их понимание и трактовка жанра были значительно уже.

В комиссии по изучению революционного искусства за октябрь—декабрь состоялось шесть заседаний, на которых заслушано было 5 докладов плановых и 1 вне-плановой.

1. Доклад Д. С. Усова: „Русская литература октябряской эпохи в Германии“ (соед. заседание с Библиологическим Отделом)—I/X. Докладчик изучил ряд немецких художественных переводов из Демьяна Бедного, Сейфулиной, Вс. Иванова, Маяковского, Блока, Бабеля, Ларисы Рейснер, Луначарского и др. в иллюстративном окружении. Особый интерес представляет: а) изучение переводного стиля, б) тематики и образов в стихотворных переводах (элементы самостоятельного творчества в переводах Демьяна Бедного и Маяковского немецким революционным поэтом-экспрессионистом И. Р. Бехером.). 2. Доклад В. А. Дынник: „Современность и лирика“ (12/X). Стихотворные выступления 1926 г. говорят: 1) об отказе от декларативного тона, свойственного пролетарской поэзии первых лет революции; 2) в плане литературоведческом—о значительном влиянии творчества Есенина, 3) о наростании лирических настроений. Охарактеризовав „ощущение эпохи, как фонд лирических настроений“ и трансформацию „общечеловеческих“ тем в сочетании с современностью, докладчица указала, что следствием такой трансформации является воскрешение классической лирики в революционной поэзии наших дней. 3. Доклад И. Н. Кубикова: „Социальная тематика произведений С. Под'ячева“. (2/XI). Охарактеризовав С. Под'ячева, как представителя деревенской бедноты пролетаризованного крестьянства, докладчик указал, как его произведения помогают осмыслить многие любопытные явления русской деревенской жизни и те сдвиги в народном сознании, которые намечались уже в эпоху кануна рабоче-крестьянской революции. 4. Доклад И. Г. Эванского: „На заре пролетарской культуры (О роли пролеткульта в искусстве Октября“). (23/XI). 5. Доклад М. Н. Черемухиной: „Сюжет и форма в плакате 1918—1921 года“. (14/XII). Исследуя плакат эпохи гражданской войны, приходится отметить, что его содержание дает четкую хронику событий тех лет, а форма плаката, богатая сложными художественными мотивами, переживает эволюцию от лубочной аллегории к монументальному реализму. Сравнительно с революционным пла-

катом и карикатурой 1789, 1830—48, 1871 и 1905 г. русский революционный плакат поднялся на исключительную высоту в оформлении Труда-Победителя, в изображении событий Пролетарской Революции, создавши стиль эпохи 1918—1921 г.

6. Вне плана—доклад М. П. Сокольникова: „Промышленная буржуазия центрального района в изображении забытых поэтов и беллетристов“. (7/XII). Доклад построен на материале произведений Потехина, Нефедова, Рязанцева и Рыскина.

Основной работой кабинета революционной литературы являлось составление „Био-библиографического словаря русских писателей революционной эпохи 1900—1925 г.“

В плане выполнения этой работы кабинет за истекший период имел 11 заседаний, на которых рассматривались вопросы, связанные с изданием этого словаря (план, расположение материала, условия издания и проч.), а также заслушивались и обсуждались составленные биографические статьи. Были обсуждены и утверждены биографии следующих писателей: Н. А. Котляревского, М. Волкова, А. С. Архангельского, И. М. Машбиц-Верова, В. Саянова, Н. Абрамовича, С. Стадного, С. Дрожжина, Ф. Житца, Вяткина, Ефера, Голлербаха, Медведева, Благого, Ф. А. Петровского, Р. С. Мандельштам, Л. Рейснер, И. Рукавишникова, Адамовича, Арго, Замятиной, Кюнкера, М. Ф. Достоевского, Осинского, Л. Авербаха, В. Брюсова, А. Блока (последние два в виде больших принципиальных докладов).

В обсуждении биографий принимал участие весь состав работников кабинета.

За истекший период кабинет революционного искусства Запада имел два распорядительных заседания. На первом обсуждался план работ на первое полугодие 1926/27 г., на втором—вопрос об организации выставки революционного художника Венгрии Б. Уид.

Кроме того на заседании 12/XI был заслушан доклад И. А. Кашкина на тему „Социальные поэты послевоенной Америки“. В прениях по докладу приняли участие: С. С. Данашов, указавший на необходимость углубления социальных корней группы рассмотренных поэтов, Е. Л. Ланн, указавший на переувеличенное значение, придаваемое докладчиком творчеству Мастерса.

На заседании от 25/XI был заслушан доклад Е. Ланна: „Стандартный янки и творчество Шервуда Андерсона“. В прениях по докладу приняли участие С. С. Данашов, не согласившийся с толкованием „Янки“, как собирательного типа для современной Америки, иллюстрировавший свои возражения рядом ссылок на Э. По, Лондона, Генри и др. и И. И. Анисимов, который, наоборот, соглашаясь с положениями докладчика, счи-

тал необходимым более детально расчленить тип „Янки“. М. Д. Эйхенгольц указал на воображаемость выведенного докладчиком синтетического портрета.

За истекшие месяцы была организована также, в помещении Академии, выставка рев. худ. Венгрии Б. Уид. К выставке был отпечатан каталог-листовка.

Новым образованием в социологическом отделении является Кружок по социологическому изучению проблемы стиля.

Кружок состоит из молодежи, являющейся отчасти аспирантами и практикантами ГАХН, а отчасти аспирантами Н. Иссл. Ин-та Археологии и Искусствознания. Работа ведется в двух направлениях: в порядке историографии и в порядке изучения конкретного исторического материала. Руководителем кружка является ученый секретарь Отделения. За истекший период кружок имел 2 распорядительных и 3 научных заседания. Последние были посвящены нижеследующим докладам. 26/XII доклад И. А. Острецова: „Плеханов как социолог искусства“. Докладчик подробно разобрал эстетико-социологические воззрения Плеханова под углом зрения проблемы стиля.

3/XI—Доклад Е. Адаркиной: „Стиль Ампир в русской живописи“. Докладчик считает Ампир самостоятельным стилем, обусловленным развитием социального века буржуазии.

10/XII—доклад И. А. Острецова: О книге В. М. Фриче „Социология искусства“. Докладчик дал несколько критическую оценку книги. В прениях А. А. Федоров-Давыдов указал на малую обоснованность этой критики, носившей слишком абстрактный характер.

## Отдел по Изучению Искусства Народов С. С. С. Р.

Образованный в недрах социологического отделения, в настоящее время выделенный в самостоятельную ячейку, отдел за истекший период времени стоял под знаком организационного оформления. Весной 1926 г. Научно-Художественная Секция ГУСа предложила Академии создать некий центр, методически разрабатывающий вопросы художественной культуры национальностей нашего Союза. Ответом на поставленную задачу явился проект А. В. Бакушинского. Основная идея этого проекта заключается в организации особого Отдела, в миниатюре повторяющего структуру Академии в ее целом: под'отделы словесно-литературный, музыкальный, театрально-пластический и изобразительный соответствуют Секциям Академии (ячейкам, разбитым по принципу материально-аналитическому); синтетическая же работа Отдела сосредоточивается в комиссиях, изучающих искусство народов С. С. С. Р. Предложение А. В. Бакушинского нашло широкий отклик в Академии, главным образом, в Социологическом отделении. Само собою разумеется, что сложная и тонкая работа по организации Отдела, удовлетворяющего всем научным требованиям, не могла совершаться без участия крупных специалистов, приглашенных со стороны. 19-го мая состоялось первое заседание „Инициативной группы“. Несмотря на приближающееся каникулярное время, „Инициативная группа“, впоследствии оформившаяся во „Временное Бюро“, достигла больших результатов. Учет художественного материала, учет специалистов, раскинутых по необ'ятному пространству Республики,—вот первая и главная задача, поставленная Отделом. Для осуществления этой цели Б. М. Соколов и Я. А. Тугендхольд разработали „воззвание-анкету“, разосланную по всем Краеведческим учреждениям. После летнего перерыва „Временное Бюро“, выполнив свое назначение—образование отдела—прекратило свое существование. 20 октября состоялось торжественное открытие Отдела. Произнесены были речи президентом Академии П. С. Коганом, Наркомом Пропаганды—А. В. Луначарским, Зав. Главнаукой—Ф. Н. Петровым и проф. Б. М. Соколовым. Отделом было проведено до двадцати организационных собраний.

К сожалению, структура Отдела до сих пор еще не откристаллизировалась. Недостаток средств Академии не позво-

лил Отделу развернуть свои под'отделы и комиссии. В данный момент имеется лишь Президиум (председатель Отдела—В. Л. Львов-Рогачевский, ученый секретарь и председатель ИЗО—Я. А. Тугендхольд, его помощник—Б. С. Чернышев, председатель ЛИТО и ТЕО—Б. М. Соколов). В состав расширенного Президиума вошли представители от Центрального Музея Народоведения, от Исторического Музея, от Ассоциации Востоковедения Средне-Азиатского Комитета и Комитета Института Восточных народов.

Отделом был брошен лозунг—изучение искусства национальностей СССР должно совершаться при участии самых народностей. Поэтому Отдел приложил все усилия связаться с политическими, культурными и учебными учреждениями народов Республики. Уже установился прочный и реальный контакт с Совнацменом при ВЦИК'е, с Крымским и Дагестанским представительствами, Коммунистическим Университетом Трудящихся Востока и Коммунистическим Университетом Нац. Меньш. Запада. Со стороны всех указанных учреждений Отдел встретил горячее моральное сочувствие и кое-где материальную поддержку. Нащупываются нити, связующие Отдел с Совнацменом при ЦИК'е, ВОКС'ом, ЭТНОМИР'ом... Отдел не мыслит своей работы без дальнейшего расширения и укрепления связи с близкими ему по характеру деятельности организациями.

Вне Москвы Отдел ведет переговоры с Всеукраинской Акад. Наук, Инстит. Белорусской Культуры. В ответ на разосланные „Воззвание-анкету“ Отдел получил уже много откликов. Доставленный материал учитывается и систематизируется. Составляется список членов корреспондентов.

Работа Отдела встречает весьма интенсивное содействие со стороны печати. В газетах появились статья А. В. Луначарского и ряд заметок, освещавших задачи Отдела. В Отдел поступают, как индивидуальные, так и коллективные заявления о желании принять участие в его деятельности.

Живое эхо общественного мнения, отражающее со всех сторон работу Отдела, побуждает его тесней и тесней идти навстречу запросам национальностей СССР и в других видах своей деятельности, помимо чисто организационной. Отделом пока устроены два вечера. Первый из них был посвящен искусству Дагестана (20 октября). Докладчик Н. Б. Бакланов обратил особенное внимание на современную жизнь этой страны, указав на ее сочетание с прежним укладом жизни в поэзии и декоративном искусстве. Во втором вечере „Искусства Крыма“ (совместно с Науч. Пок. Частью ГАХН 3-го декабря) проф. И. Н. Бороздин познакомил участников вечера с результатами последних раскопок в Крыму и их значением, как в области истории экономики, так и культуры вообще. Директор Бахчи-

сарайского музея А. У. Боданинский нарисовал картину прежнего и современного состояния искусства Крымреспублики во всех его отраслях. Музыкально-вокальная часть была представлена артисткой Е. Г. Гульбей и ансамблем оперы Миронова. Оба вечера сопровождались небольшими выставками, любезно устроенными Центр. Музеем Народоведения.

В будущем отдел расчитывает устроить ряд вечеров, как синтетического характера—все виды искусства какой-нибудь одной национальности СССР (армянской, еврейской, цыганской и т. д.), так и одной сферы искусства у всех народов СССР („Музыка народов СССР“, „Кино, как средство изучения национальностей“, „Женщина-художница народов СССР“ и т. д.). Всего намечается 12 вечеров.

Помимо устройства вечеров, популяризирующих художественную культуру национальностей Республики, Отдел начинает вести научно-исследовательскую работу. Пока состоялся доклад Ю. А. Самарина „Гончарное искусство в Подолии“ (совместно с Комиссией по изучению примитивного искусства, 14 декабря). Докладчик, иллюстрируя свой реферат собранной им коллекцией, обрисовал как историю этого вида художественной промышленности, так и его современное положение. Выяснилось, что еще до сих пор в керамике Подолии сохранилась, по крайней мере частично, весьма ценная в художественном отношении традиция, идущая со времен античности и даже чуть не Трипольской культуры.

Отдел предполагает в будущем более широко развернуть научно-исследовательскую работу, которая им ведется в тесном контакте с другими ячейками Академии.

Наконец, едва-ли не самой важной задачей Отдела является организация выставки „Искусство национальностей СССР“. По поручению Отдела, Я. А. Тугендхольд наметил проект этой выставки, имеющей своей целью „выяснить все разнообразие художественной культуры национальностей СССР, как в ее современном состоянии, так и в ее достижениях за последние десять лет“ (слова проекта). Выставка должна быть приурочена к десятилетию Октябрьской Революции. К выставке Отдел предполагает приурочить экспедиции и индивидуальные командировки.

## **Физико-Психологическое Отделение.**

В сентябре 1926 г. Отделение приступило к реализации нового плана работ, утвержденного Ученым Советом Г. А. Х. Н. Организационная деятельность как для Отделения в целом, так и для отдельных его ячеек, работающих под контролем Президиума Отделения, потребовала значительного напряжения внимания для создания стройности и организационной увязки работ между комиссиями, входящими в состав Отделения.

В Октябре состоялось пленарное заседание Отделения, на котором был заслушан доклад Н. М. Костомаровой на тему: „Личность и творчество Леонардо да Винчи“. Доклад проработан в комиссии по изучению творчества душевнобольных, после чего и был прочтен и обсужден в Пленарном заседании Отделения. Н. М. Костомарова, изучив произведения Леонардо да Винчи и литературные данные о нем, пришла к выводу, что в творчестве Леонардо отмечается присущая его личности отвлекаемость и способность производить заключение и обобщение, на основе недостаточного количества признаков, почему докладчица относит Леонардо к типам с циклотимической конституцией, с механизмом мышления, присущим гению. Доклад вызвал оживленные прения, в которых приняли участие и члены Отделения и посетители.

В ноябре месяце созывалось пленарное заседание Отделения для заслушивания доклада А. М. Шуберт на тему: „Психология детского рисунка“. Докладчица собрала материал среди детских домов, населением которых являются дефективные дети. Данный материал хорошо обработан и убедительно связан с теми психическими симптомами, которые выявлялись клиническим путем у юных художников.

В декабре месяце в пленарном заседении Отделения заслушан доклад Ю. П. Долинского на тему: „Основы физио-техники и психо-техники вокального искусства“. Докладчик в своем изложении недостаточно четко выявил основные положения доклада, благодаря чему не удовлетворил научных требований некоторых специалистов, присутствовавших на заседании. Некоторые лица ранее ознакомились с большой работой Ю. П. по данному вопросу, они взяли положения его доклада под свою защиту, благодаря чему развернулись обширные и весьма интересные прения.

Помимо пленарных заседаний научная работа шла в комиссиях Отделения, работающих по утвержденным планам.

Работа Комиссии по Изучению Примитивного Искусства идет по 2-м руслам: 1) изучение детского творчества и 2) искусства примитивных народов. По детскому творчеству занятия Комиссии расширены с осени 1925 г. включением изучения литературного и речевого творчества под руководством А. К. Щнейдер. С декабря 1926 г. возникает группа по изучению детского театрального творчества во главе с С. Д. Заскальным.

За октябрь и ноябрь 1926 г. (в сентябре докладов не было) прошли следующие доклады: 14 октября—Е. А. Флериной: „Строительный материал для дошкольников“. Докладчица дала примерный подбор строительного материала для детских садов, основываясь на особенностях психо-физического развития ребенка (развитие крупных мышц, основных рычагов и пр.). Вопросы о крупном и мелком материале, о числе и характере геометрических форм затрагивались в прениях. Докладчица считает эти вопросы требующими доработки. 21 октября—А. С. Шастова „Опыт по изучению конструктивного творчества“. А. С. Шастов работает по этому вопросу в педагогической студии Н. К. П. В своем докладе он поделился первыми наблюдениями и выводами своей работы. Удалось уже наметить интересную эволюцию в передаче пространственных отношений, в искаении способов для передачи об'ема. Интересны сопоставления пространственных концепций в рисунке, картинах и дереве. 28 октября—Е. Ю. Шабад „Язык трехлетки“. В докладе дается характеристика речевого творчества трехлетнего ребенка с его особенностями в ритме, мелодике, семантике, синтаксисе и пр. (Преобладание ритмических звучаний над смысловыми комплексами). 10 ноября—Е. А. Флериной „План исследования восприятия детьми дошкольного возраста картинки“. В основу классификации рисунков, показываемых детям, докладчица кладет этапы эволюции творчества ребенка (двигательно- зрительная, зрительно-двигательная, зрительная установка). В каждом отделе берет по способу выражения: контурный, силуэтный и цветовой рисунок, а также сюжетный, предметный и беспредметный.

Помимо указанных докладов в Комиссии прошел ряд заседаний (30/X, 7/X, 17/XI), посвященных обследованию результатов бывшей весной 1926 г. Выставки по детскому творчеству и планам организации новых выставок детского творчества в районах. Несколько заседаний частично было посвящено разработке планов экспериментальной работы по детскому восприятию.

На тему по художественному восприятию Комиссия готовит сборник, который должен выйти к зиме 1927 г. Экспери-

ментальная работа по восприятию картинки ребенком будет вестись под наблюдением Комиссии в следующих учреждениях: 1) в Отд. детского чтения И. М. В. Р.—Р. В. Длугач, А. П. Алтуховой, Т. А. Григорьевой, 2) при Музее детской игрушки—Е. М. Зонненшталь, 3) в 1-ой школе К. В. ж. д.—Г. И. Журиной, 4) в 1 оп. школе Н. К. П.—Г. И. Журиной, 5) в детском саду при 1 оп. станции Н. К. П.—Н. П. Поспеловой, 6) в балетном техникуме Г. А. Б. Т.—Н. П. Сакулиной, 7) в Музее изящных искусств—А. Н. Замятиной.

Методологически-методическая разработка вопросов восприятия ребенка ведется Е. А. Флериной в комиссии по детской книге Н. К. П. и Г. В. Лабунской, Н. И. Журиным, А. П. Зедделер в ред. комиссии по детскому журналу МОНО.

Кроме заслушания и обсуждения докладов Комиссией начата работа над материалом по детскому творчеству. Имеется уже свыше 20000 детских рисунков, продукты декоративно-производственного творчества детей, зарисовки детской скульптуры и пр.

Намечена работа библиографического и рецензентского характера.

За истекшие три месяца Комиссия по изучению Художественного Восприятия имела четыре заседания, на которых была организована группа лиц, пожелавших разрабатывать вопросы художественного восприятия природы на основании материалов фольклора и литературных памятников.

Комиссия имела одно распорядительное заседание и доклады: вводный доклад П. Н. Каптерева: „Основные задачи изучения художественного восприятия природы“ (по материалам фольклора и литературным памятникам). Доклад С. Н. Дурылина: „Природа у Достоевского“ (29 ноября). Доклад Е. Н. Елеонской: (совместно с Фольклорной комиссией): „Природа в магических обрядах и заговорах“ (13 декабря).

За истекшие два месяца предметом занятий Комиссии по Изучению Психологии Художественного Творчества было изучение творчества в трех сферах искусства: литературе, искусстве театра и искусстве изобразительном.

Первое заседание 8/X—26 г. было посвящено заслушанию доклад Л. Я. Гуревич: „Психология актера“. Доклад был построен на материале, полученном в свое время в ГАХН посредством анкеты, разданной ряду выдающихся актеров г. Москвы. В центре работы стоял вопрос о сценическом переживании актера. Докладчица отстаивала ту точку зрения, что

наличность переживаний в связи с исполняемой ролью у актера есть необходимый и неустранимый элемент актерской игры. Таким образом, опровергается известный парадокс Дидро, будто хорошие актеры вырабатываются лишь при полном отсутствии чувствительности. В прениях указывалось, что при обсуждении вопроса о поведении актера на сцене докладчицей не был учтен ряд условий и благодаря этому один из факторов оказался искусственно выделенным. Второй доклад Б. А. Грифцова (22/X—26 г.) имел темой психологию Флобера, как писателя. Этот доклад по методу аналогичен докладу предыдущего года по психологии творчества Бальзака. Б. А. Грифцов в своих опытах следует сообразному описательному методу в стиле импрессионистических *essais*. Основанный на тщательном изучении источников, его этюд о Флобере представил большой литературный интерес. Писательский быт Флобера, по мнению докладчика, отличался особой искусственностью; писатель живет по своеобразному закону двойной жизни; у писателя исключена возможность действительных чувств. Вдохновение не является особым источником творчества, а скорее особой манерой писать. В прениях указывалось, что автором не была учтена историко-литературная обстановка романиста (М. Эйхенгольц). На ряду с этим указывалось, что многие положения докладчика отличаются чрезмерной гипотетичностью; подчас факты вовсе не подтверждают основных положений докладчика; те же факты могут быть истолкованы противоположным образом. 17/XII был прочитан доклад В. П. Зубовым о психологии творчества Языкова, по методу разработки родственный докладу по творчеству Флобера. Здесь Зубов осветил как психологический строй языковской личности, так и условия его творчества. Докладчиком был применен отчасти и Фрейдовский метод психоанализа. В прениях указывалось, что литературоведческая часть доклада представляется излишней для основной задачи изучения процессов творческого сознания.

В октябре Комиссия по Изучению Творчества Душевно-Больных созывала своих членов и лиц, принимающих активное участие в ее научных работах, на заседания организационного характера, на которых были распределены между сотрудниками научные темы, согласно плану работ, утвержденному Президиумом Отделения.

По окончании организационного периода председатель Комиссии П. И. Карпов сделал доклад на тему: „Особенности творчества эпилептиков“. Автор в своем докладе выявил особенности, наблюдающиеся у эпилептиков, находящихся в состоянии эквивалентов, когда творческие способности человека резко активируются, благодаря чему нетворческая личность в обычных условиях жизни в болезненном состоянии превращается в талантливого творца. Данное положение подтверждается ху-

дожественными продукциями больных, собранных П. И. Карповым в обычной клинической обстановке среди лиц, не получивших художественного развития.

В ноябре месяце вновь возникли организационные вопросы, связанные с реализацией предстоящей выставки художественного творчества душевнобольных.

В научном заседании Комиссии П. И. Карпов доложил об особенностях циклотимического творчества, которое имеет специфические особенности, характеризующиеся отвлекаемостью и возможностью делать заключения и обобщения на основе недостаточного количества признаков, что сближает механизм данного мышления и гения. Кроме того, точно установлено клинически и подтверждено художественными произведениями больных то обстоятельство, что в состоянии депрессии большой непроизвольно пользуется темными красками, а в состоянии экзальтации — яркими красками. В состоянии экзальтации творческие способности резко повышаются.

В декабре Т. К. Буйневич прочла доклад на тему: „Винцент Ван Гог. (Патология характера и творчества)“. Докладчица разбрала Ван Гога, как творческую личность с патологическим уклоном с детства. Данные жизнеописания и продукты творчества убеждают слушателей в том, что Ван Гог страдал циклотимией с характернейшими для данного заболевания экзальтацией и депрессией, в одном из приступов, которой Ван Гог покончил с собой. Доклад вызвал живой обмен мнений, в котором приняли участие и члены Секции Пространственных Искусств.

П. И. Карпов доложил о гениальности и паранойальном творчестве, указав, что параноики не редко становятся активными творцами в самых разнообразных областях науки, искусства и техники после того, когда у них развивается болезнь и они перестают быть прежними ремесленниками. П. И. Карпов подкрепляет свои положения художественным материалом, собранным в больнице, напр., бухгалтер, заболев 43 лет, создавал великолепные рисунки, тогда как раньше живописью совершенно не интересовался. Другой больной создал проект устройства новой коммуны, весьма убедительной по своим творческим построениям. После доклада были обсуждены многие вопросы, стоящие в связи с творчеством душевнобольных.

19 декабря 1926 г. в Политехническом Музее была открыта выставка художественного творчества душевнобольных, продолжавшаяся до 6 января 1927 г. На выставочном материале, собранном П. И. Карповым, прочтены 6 лекций научнопопулярного характера. Выставка за вычетом праздничных дней была открыта от 12 ч. дня до 8 ч. вечера; в течение 13 дней ее посетили 2.031 человек. Лекции посетили около 1500

человек. Средства для организации выставки были отпущены Государственным Политехническим Музеем, предоставившим также бесплатно помещение не только для выставки, но и для лекций.

Работа Комиссии по Изучению Восприятия Пространства в осеннем полугодии 1926 г. выразилась в устройстве—30 сентября—распорядительного заседания; 14-го октября—доклада Е. С. Хинкис: „Эстетическое восприятие простых геометрических форм“. Основной тенденцией, которой должен удовлетворять предмет, чтобы вызвать эстетическое впечатление, является тенденция к единству в многообразии. Принципы симметрии, золотого сечения и устойчивости ведут к осуществлению этой тенденции.—4 ноября состоялся доклад С. С. Скрябина: „Красота простых форм по Фехнеру“. Только на пути экспериментальной эстетики может быть, с точки зрения Фехнера, разрешена проблема „нормальных форм“. Отдельные методологические ошибки, обычно допускаемые в исследованиях, имевших целью установление об'ективных признаков эстетически нормальных форм, сводятся по Фехнеру, к следующим: 1) пользование недоказанными теоретическими предпосылками, 2) выбор чрезмерно сложных об'ектов исследования, 3) неразличение прямого и ассоциативного факторов, 4) поспешные сообщения.—18 ноября—доклад О. А. Черниковой: „Чувственная ценность линий“. Экспериментально-психологические исследования доказывают, что линия является одним из факторов, определяющих эмоциональное значение зрительных представлений. Направление, ритм и форма являются основными моментами, определяющими характер эмоциональной реакции при восприятии линии. 2 декабря—доклад Н. А. Черниковой: „Восприятие формы по теории конфигурационизма“. Конфигурационисты сводят восприятие формы к простому ощущению и отрицают вмешательство в этот процесс какой бы то ни было интеллектуальной деятельности. Вместо фундирующего значения составных элементов, они утверждают, что целое определяет части, а не наоборот. Некоторые тенденции современного искусствоведения в изучении взаимоотношения формы и содержания художественных произведений совпадают с основными положениями новейшей психологической школы.

Работа Комиссии по Изучению Вопросов Художественного Воспитания началась в текущем академическом году с конца сентября. В сентябре было предварительное обсуждение (24 сентября) вопросов проведения в жизнь плана, намеченного весной 1926 г. и одно общее заседание (29 сентября), посвященное докладу И. П. Четверикова о плане работ и способах его выполнения. И. П. Четвериков предлагал: а) в качестве основной темы для изучения

в текущем году взять изучение эволюции идей художественного воспитания, начиная с времен античной культуры и до наших дней с тем, чтобы в результате составился сборник статей, могущий быть напечатанным (поскольку такой работы нет ни в русской, ни в западной литературе), б) параллельно посвящать некоторые из заседаний обсуждению современной литературы по художественному воспитанию как материал, подготовляющий статьи по современным проблемам художественного воспитания для последнего выпуска сборника, в) использовать некоторые доклады, подготовленные, но не прочитанные в прошлом году по вопросам практики отдельных сторон художественного воспитания.

В результате постановили принять план, но уточнить его, а для этого поручить детальную разработку отдельных частей его А. Ф. Лосеву (разработку плана 1-го выпуска сборника, посвященного эволюции идеи художественного воспитания в античном мире), о Н. И. Радцигу (эпоха средневековья, эпоха возрождения и XVIII в.), А. В. Чичерину и А. А. Фортунатову.

В октябре месяце Комиссия а) продолжала разработку плана, б) имела одно заседание, посвященное заслушанию доклада, подготовленного весной (доклад о детских зарисовках театральных впечатлений).

Заседание 6 октября при участии 5 человек носило характер распорядительного заседания. Обсуждались вопросы: должен ли предполагаемый сборник носить характер ученого исследования или характер популярной книги, выпускать ли его одновременно или отдельными выпусками, должен ли он печататься в трудах Академии, или же целесообразно вступить в переговоры от лица Комиссии с издательствами. Постановили: смотреть на данную работу прежде всего, как на исследование, но стремиться сочетать научность с возможно простым изложением; работа над ним предстоит длительная и потому необходимо растянуть работу на 2 или более года, выпускать работу выпусками, могущими представлять собою нечто более или менее цельное. Заседание 13 октября было посвящено докладу А. А. Фортунатова: „Детские зарисовки театральных впечатлений“. Доклад составлен на основе материалов работы 1-й опытной станции Наркомпроса в малоярославском уезде Калужской губернии, где была представлена подвижным театром опытной станции инсценировка сказки „Конек Горбунок“ в присутствии учащихся 11 деревенских школ 1-й ступени (спектакль повторялся три раза в трех народных домах, при чем окрестные ближайшие школы присыпали своих учеников в сопровождении учащих). После спектаклей детям поручено было зарисовать два момента: Иван приносит Жар-Птицу царю и Иван у Месяца-Месяцовича. На основе полученных рисунков докладчик

стремился проследить, насколько театральные впечатления способствуют развитию чувства живописности у детей. Заседание 27 октября посвящено было обсуждению доклада А. Ф. Лосева о плане первого выпуска намеченного сборника. Докладчик предложил следующие темы по истории эстетического воспитания в античном мире: 1) учение о прекрасном в др. Греции, 2) практика художественного воспитания в греческих школах, 3) пифагорейцы, софисты и Сократ (мысли их об эстетическом воспитании), 4) учение Платона о художественном воспитании, 5) учение Аристотеля, 6) античный театр, 7) воспитание оратора, 8) Цицерон, 9) Квинтилиан, 10) Плутарх об эстетическом воспитании, 11) проблема эстетического воспитания у римских поэтов, 12) эстетическое воспитание поздней античности. Заседание 3-го ноября носило характер ознакомления вновь приглашенных сотрудников намеченного сборника (С. И. Радциг, Н. Ф. Дератани, А. А. Кун) с характером работы и выяснения ряда встающих перед работающими вопросов. Внесены некоторые поправки в план 1-й части сборника ( античное художественное воспитание), а именно: предположено отбросить статьи о пифагорейцах, софистах и Сократе, поскольку материал недостаточен для самостоятельной статьи и с успехом может быть распределен между другими темами, входя в них как нечто дополняющее. Также не писать отдельной статьи о театре, использовав частично материал в этих статьях. Закреплены статьи за следующими авторами: учение о прекрасном в Греции за А. Ф. Лосевым, Практика художественного воспитания—за Н. И. Новосадским и Н. А. Куном (предложить им хронологически размежеваться между собой). Платон и Аристотель—поручены А. Ф. Лосеву и И. П. Четверикову (тоже поручено им распределить работу по соглашению), Воспитание оратора—С. И. Радцигу, ему же—тема о Плутархе, Квинтилиане и Цицероне—Н. Ф. Дератани, Римские поэты—А. А. Грушка. Вопрос об авторе для статьи о поздней античности оставлен открытым. Заседание 17 ноября было посвящено докладу А. Ф. Лосева: „Учение о прекрасном в древней Греции“. Докладчик обрисовал в основных чертах трактовку греками эстетических вопросов, в связи с художественным опытом греков, главным образом, в связи с греческой музыкой. Основной его мыслью было: Греция не знала самодовлеющей музыки как чистого формально-временного искусства (подобно новой Европе). Ее музыка—всегда прикладного характера, качественное сопровождение речи, как аксессуар при богослужении, на войне, в школе. Этим об'ясняется и недостаток технической стороны (примитивные инструменты, монодия, отсутствие симфоний и т.д.). То же и в эстетических учениях, где никогда мы не видим понятия искусства вне моральных целей (нет „алогического“ искусства). Заседание 24 ноября

должно было быть посвящено продолжению деловой распорядительной работы. Был просмотрен план С. И. Радцига о разработке истории идеи художественного воспитания в эпоху Возрождения, Реформации и XVII в.

В течение декабря 1926 года Комиссия по изучению вопросов художественного воспитания имела четыре заседания, посвященных изучению эволюции художественно-воспитательных идей в античном мире, а именно—заседание 1 декабря, посвященное докладу И. П. Четверикова, 15 декабря, посвященное докладу А. Ф. Лосева, 20 декабря, посвященное докладу Н. Ф. Дератани и заседание 23 декабря, посвященное докладу С. И. Радцига.

**Заседание 1 декабря:** Доклад Ив. Пим. Четверикова, являющийся вводной главой к проектируемому сборнику по истории идеи художественного воспитания. Докладчик вкратце обрисовал наиболее существенные черты философского мировоззрения трех основных эпох истории Европы—античного мира, средних веков и нового времени и в связи с ними установил главнейшие этапы развития художественно-воспитательных идей: античный мир характеризуется целостностью мировоззрения и миоощущения, оттого и основой педагогических идей является понятие гармонического развития, средние века—эпоха анализа, раздвоенности мировоззрения, его искусство богато противоречиями, всюду смешение любви и мадонны, со стремлением подчинить первую второй; тоже и в области воспитания. Новая история—эпоха развития сенсуализма и рационализма, восприятия мира лишь с определенных точек зрения; художественное воспитание сводится лишь к изучению техники отдельных видов искусства. Однако сейчас кризис мировоззрения, близится новая культура, которая должна вернуть к единству, синкретизму греков. Оттого первый выпуск сборника по истории идеи художественного воспитания посвящается Греции не только по хронологическим основаниям, но и принципиальным.

Оппоненты отмечали слишком большую обобщенность абстрактность положений докладчика, в ущерб исторической конкретности, особенно в применении к античному миру. Докладчик в ответном слове, дал ряд разъяснений недоуменных вопросов и, отстаивая в целом свою концепцию, обещал внести в статью некоторые поправки, во избежание могущих быть недоразумений. На заседании присутствовало 9 человек.

**Заседание 15 декабря.** Доклад А. Ф. Лосева—„Учение Аристотеля об эстетическом воспитании“. Присутствовало 12 человек.

Докладчик во вступительной части доклада подверг критике традиционное понимание Аристотеля как чистого эмпи-

рика и детально остановился на понятии *mimesis* (являющимся основным моментом в эстетике Аристотеля), которое по его мнению, не правильно передавать словом „подражание“, как как в трактовке Аристотеля оно заключает в себе элемент творческого воссоздания (деятельность, отличающая человека от животного, являющаяся комбинированным рассуждением). Сообразно этому и в учении об эстетическом воспитании (где Аристотель является первым теоретиком, отчетливо поставившим проблему художественного воспитания) Аристотель не ограничивается чисто эмпирическими целями, но выдвигает, как основную цель—развитие способности созерцательно вникать в суть вещей и явлений (развитие обобщающей интуиции), протестуя против профессионального подхода при обучении музыке.

В прениях принимали участие А. А. Фортунатов, С. И. Радиг, И. П. Четвериков, возражавшие по следующим пунктам: а) введение—больше самого доклада; б) в докладе не отмечены некоторые стороны вопроса,—как, например, взгляды Аристотеля на значение рисования, как воспитывающее средство, на воспитательное значение театра (в частности, не затронуто понятие *katharsis*, столь важное для понимания воспитательной роли театра в греческом обществе); в) не выделено отчетливо: что думал Аристотель о воспитании школьном и внешкольном.

Докладчик в заключительном слове отвечал: можно разграничить, что Аристотель говорил о музыке и гимнастике, но вряд ли можно привести много материала, по вопросу о живописи; о *katharsis* много теорий, базирующихся на переводе всех одной и той же единственной фразы; было бы долго разбирать их и это отвлекло бы в сторону от темы, чего не хотелось делать; при окончательной обработке докладчик обещал внести несколько поправок в статью, чтобы внести больше стройности (расширить вторую часть).

Заседание 20 декабря. Доклад Н. Ф. Дератани на тему: „Эстетическое воспитание в древнем Риме. Художественное воспитание по Цицерону и Квинтилиану“. Присутствовало 6 человек.

Докладчик подробно изложил взгляды Цицерона и Квинтилиана на воспитательное значение художественного слова и музыки, поставив первое в связь с положением ораторского искусства в I в. до Р. Х. и в Императорскую эпоху, а то и другое—в связь с общим отношением римского общества к искусству.

В прениях А. А. Грушка отметил, что в докладе нет конкретного, живого образа Цицерона и не видно, где влияние на Цицерона традиций стоиков и где, наоборот, его интимные мысли; С. И. Радиг указал, что в докладе много скаж-

зано об образовании оратора, но об эстетическом воспитании, как таковом, сказано не вполне ясно; точно также видна недооценка римского искусства (скульптурный портрет и т. д.). И. П. Четвериков отметил, что мысли о художественном воспитании не поставлены в связь с эстетическими учениями. Была ли у римлян эстетика отличная от греков? Если да—ее надо было выявить. А. А. Фортунатов предлагает включить вопрос о римской эстетике в статью А. А. Грушки, существующей быть вводной к статьям Дератани и С. И. Радцига.

Докладчик соглашается частично включить данный вопрос в свою статью, оговариваясь, что ему, как не философу, это несколько затруднительно.

**Заседание 23 декабря. Доклад С. И. Радцига:**  
„Элементы эстетизма в воспитании оратора в древней Греции“. Присутствовало 9 человек.

Докладчик обосновал положение о том, что в древней Греции на оратора смотрели как на художника своего рода, имеющего точки соприкосновения с искусством поэзии (художник слова) и со сценическим искусством (техника словоизнесения, жесты и т. д.), средства выработки оратора-художника во многом были те же, что у актеров. Орудием культуры ораторского искусства являлись риторские школы. Момент эстетического подхода сказывался и в том, что форма в риторских упражнениях почти довела себе и не подчинялась морализующим тенденциям.

В прениях И. П. Четвериков настойчиво указывал на необходимость подчеркнуть, что обрисованный докладчиком подход к вопросу о культуре оратора не являлся общим для всех эпох греческой истории и, в частности, Платон держался другого взгляда на задачи ораторского искусства. В ответном слове докладчик, отстаивая свой взгляд, ссылался на то, что Платон был как бы индивидуальным явлением, не имевшим по данному вопросу прямых последователей, тогда как традиции софистов в этом случае пустили глубокие корни. Впрочем в целях большего единства всего сборника он обещал внести небольшое добавление в духе оппонентов.

Работа Комиссии по Экспериментальному Изучению Ритма на организационном заседании, состоявшемся 8-го октября 1926 г., была намечена по следующему плану:

1. Докончить лабораторно-экспериментальную работу, проведенную над детьми школьниками 4-й базовой школы МОНО в прошлом году.

2. Организация экспериментальной работы по изучению психофизиологической природы ритма над взрослыми по методу естественного эксперимента в переработке проф. Басова.

3. Теоретическую работу по изучению различных теорий ритма в России и на Западе.

26/X, 2/XI и 16/XI состоялись заседания по просмотру протоколов для составления характеристики исследуемых детей со стороны ритмичности и функции сознания, стоящие в связи с переживаниями ритма.

25/XI состоялся доклад И. П. Четверикова на тему „Новая работа Саре о сущности ритма“ и 23/XII—доклад М. А. Румер: „Психология ритма по Липпсу“.

## Ф и л о с о ф с к о е   о т д е л е н и е .

Философское отделение в течение отчетного полугодия продолжало выполнять принцип, совершенно ясно осознанный в работе предшествующих лет,—принцип сближения с работой отдельных секций и ячеек Академии и постановки конкретных искусствоведческих тем. Практическое осуществление этого замысла шло в разных направлениях: с одной стороны метод работы стал более пристальным и углубленным—почти на каждый доклад отводилось особое заседание только для его критического обсуждения и всестороннего разбора в указанном направлении. С этой целью многие доклады выставлялись в библиотеке Академии для предварительного изучения. С другой стороны и содержание работы несколько видоизменилось согласно смыслу указанного принципа. Прежде всего намечено привлечь к работе теоретически настроенных и осмысливающих свою работу художников, для того, чтобы на основе их жизненного опыта поставить ряд современных обще-теоретических проблем. В осуществление этого в отчетном полугодии был заслушан чрезвычайно интересный доклад И. В. Жолтовского на тему: „Опыт изучения принципов античного мышления в архитектуре“.

Но наиболее значительным явлением в отделении в направлении связи с конкретными проблемами искусствоведения, конечно, явилось открытие еще новой ячейки—комиссии „по изучению проблем художественного образа“. Согласно общей структуре Академии, комиссии могут быть или общими или специальными. На ряду с общей комиссией по изучению проблем художественной формы, где кроме исследования образных форм ставятся вопросы экспрессивных, стилистических, реторических, чисто грамматических, логических и др. форм, теперь возникла специальная комиссия для изучения только образных форм в той постановке и формулировке, которая характерна для современного искусствоведения, литературоведения, музикования и т. д. В состав активных работников комиссии привлечены лица, работающие в области изучения отдельных искусств. Таким образом, здесь происходит изучение проблемы образа, так сказать, „снизу“ и очевидно должно встретиться с тем исследованием, которое идет „сверху“ от общей комиссии художественной формы. Конечно, пути этой „встречи“ очень

трудны, но вместе с тем достаточно ясно, что только на них лежит разрешение проблем общего искусствознания, к установлению которых стремится современная наука об искусстве.

Так как организационная задача сближения отделения с другими ячейками Академии благополучно разрешилась в по-вседневной текущей работе комиссий, то форма пленарных заседаний, по существу эпизодическая, перестает играть доминирующее значение. Специальная цель пленарных заседаний завязать новые связи или поставить на широкое обсуждение вопросы, уже проработанные в отдельных ячейках.

В отчетном полугодии состоялось одно пленарное заседание, организованное совместно с психологической лабораторией. Нет особенной необходимости в том, чтобы оправдывать необходимость связи отделения с психологической лабораторией. Осенью истекшего года было намечено 3 совместных доклада. В осуществление этого плана в первое полугодие был заслушан доклад С. С. Скрябина на тему „О психологическом методе в эстетике“ (2/XII—1926 г.).

Докладчик отстаивал точку зрения психологической эстетики. Противополагая феноменологическое обоснование психологическому, докладчик признавал, что эстетика есть часть теоретической психологии. Классификация эстетических переживаний строится по признаку наличия или отсутствия интеллектуального момента в эстетическом переживании и в случае наличия по—признаку соотношения интеллектуального и чувственного.

В прениях основным были решительные возражения против психологизма в эстетике, как точке зрения уже отжившей и стирающей вопрос о специфичности как самого искусства, так и его психологического изучения.

Что касается ученых трудов, то в истекшее полугодие по философскому отделению вышло из печати два выпуска. 1-й выпуск: „Художественная форма“ сборник статей Н. И. Жинкина, М. А. Петровского, Н. Н. Волкова, А. А. Губера под редакцией А. Г. Циреса и 2-й выпуск: Г. Винокур—„Биография и культура“.

Работа отдельных комиссий развернулась в следующем виде.

Комиссия по изучению проблемы художественной формы. Кроме организационных заседаний в комиссии состоялось 5 научных заседаний, где были заслушаны и обсуждены 3 доклада:

а) Доклад Н. Н. Волкова (12/X) на тему: „Метафора и художественное сознание“ явился продолжением работ комиссии в области изучения проблемы внутренней формы.

Докладчик старался доказать мысль, что рассмотрение метафоры, как чистого смыслового перехода, должно быть со-

вершаемо в отрещении от художественного сознания. Если художественное сознание имеет в виду конкретную художественную вещь в ее самоличности, то стихией метафоры следует признать в известном смысле независимый от вещного воплощения смысл слова. Метафора, как элемент художественного произведения есть особый смысловой переход, своеобразный образный предикат. Докладчик далее остановился на анализе художественного сознания и на отличии образа от метафоры. В прениях было указано на недостаточность рассмотрения метафоры как только перехода от одного смысла слова к другому, при попытке указать специфичность этого перехода мы находимся уже в пределах художественного сознания. Вызвало также возражения понимание докладчиком суб'екта и предиката.

Доклад А. К. Соловьевой (28/X) на тему „Экспрессия и Kundgabe“ ставил проблему внешних экспрессивных форм. Докладчица, отождествляя Kundgabe и экспрессию, признавала за ними следующие характерные признаки: а) симпатическое понимание. б) тожество внутреннего и внешнего, в) социальное значение. Прения приняли характер живого обмена мнений по затронутым вопросам, где участники вводили свои деления и определения выставленных докладчиков, но в литературе мало разработанных понятий.

Второй доклад А. К. Соловьевой (7/XII) на тему: „Экспрессия разговорного и литературного языка“ дал богатый материал для иллюстрации различий того и другого типа экспрессии.

Прения перенесены на второе полугодие.

Комиссия по изучению философии искусства. Состоялось 3 научных заседания и 2 доклада.

Доклад А. Ф. Лосева (28/XI) на тему: „Философия символических форм у Э. Кассирера“ разбирал последнюю работу Э. Кассирера, посвященную проблеме символа и мифа. Очень богатое и интересное содержание книги рассматривалось с точки зрения того перелома, который совершается сейчас не только у Кассирера, но и вообще в трансцендентальной немецкой неокантианской философии. Натуралистически ориентированное кантианство никогда не могло удовлетворительно поставить проблему культуры. Уже самый факт пристального, во многом не кантианского, рассмотрения вопросов языка, мифа и символа является знаменательным для современной немецкой философской мысли. В прениях обсуждали главным образом вопрос о том, в каком смысле следует понимать сдвиг Кассирера — как приближение к феноменологии или как возвращение к идеалистической метафизике Шеллинга.

Доклад И. В. Жолтовского (14/XII) на тему: „Опыт изучения принципов античного мышления в архитектуре“ был

исключительно интересен. На основе своего художественного и рефлексивного опыта докладчик, на большом количестве примеров, вскрыл свое понимание двух типов греческого и римского архитектурного творчества. Греческое архитектурное мышление характеризуется созданием свободно и бесконечно развивающихся по определенному закону форм, центрированных по одной оси, тогда как римская мысль создает формы конечные, закрытые и тяжелые сверху, по схеме совершенно противоположной греческому представлению. Но несмотря на это, оба вида форм сохраняют высокое художественное значение. В беседе ставился ряд вопросов о возможности распространения теории двух типов не только на греческое и римское искусство, о возможности математического выражения закона развития форм, о различии чисто художественных и стилистических форм.

Комиссия по изучению истории эстетических учений. В комиссии состоялось 5 научных заседаний.

Доклад Н. Д. Виноградова (7/X) на тему: „Эстетические воззрения Хогарта“ явился продолжением работ комиссии в области истории английской эстетики. Прения осветили связь трактата Хогарта с основными положениями искусствоведения, на фоне исторического развития учения о художественном.

Доклад В. П. Зубова (4/XI) на тему: „Бутервек и русские Геттингенцы“ прослеживал пути, по которым совершилось в начале XIX века влияние западно-европейской эстетики на эстетику русскую. В докладе были освещены эстетические и философские интересы братьев Тургеневых в Геттингенский период, как на основании опубликованных документов, так и студенческих записей и лекций, хранящихся в библиотеке Московского Университета.

Доклад А. Ф. Лосева (4/XI) на тему: „О некоторых новейших трудах по истории эстетики“ дал обзор историко-эстетической литературы, касающейся вопроса о взаимоотношении романтической эстетики и эстетики классической.

Доклад А. В. Бельского (25/XI) на тему „Диалектика прекрасного Фр. Фишера“ устанавливал взгляды Фишера в связи с влиянием на него Гегеля; докладчик также прослеживал генезис воззрений Фишера на сущность диалектики.

В заседании 9/XII был поставлен ряд кратких докладов о природе трагического немецких эстетиков разбираемого периода: доклад П. С. Попова—„Шеллинг и Зольгер о трагическом“, А. Л. Саккетти „Гегель о трагическом“, А. В. Бельский—„Фр. Фишер о трагическом“.

Комиссия по изучению художественного образа. Кроме организационных заседаний состоялось 3 научных и 2 доклада.

Доклад А. А. Сидорова (11/XI) на тему: „Проблематика художественного образа по материалам пространственных искусств“ носил программный характер, очерчивая круг проблем, связанных с изучением образа. Историографическая и систематическая части доклада ставили целый ряд вопросов—иконографии и иконологии, портрета, автопортрета, копии, иллюстрации, соотношение вещи и образа, толкование образа и т. д. По мнению докладчика образ—проблема композиционная. Живой обмен мнений, возникших после доклада, обнаружил ряд вопросов, о которых нужно тщательно договориться искусствоведам и философам.

Доклад А. А Губера (23/XII) на тему: „Проблема образа и его структура“ставил проблему образа в обобщенной форме. Образ им рассматривался как внутренняя форма, возникающая между внешней чувственностью и смыслом. Доклад ставил себе главным образом терминологические задачи. В прениях было указано, что доклад в гораздо большей степени ориентировался на материал словесных искусств, чем пространственных или театральных, вследствие чего общие выводы не открывают путей к спецификации образа в отдельных искусствах.

Кабинет художественной терминологии. За отчетное полугодие кабинет приступил к составлению терминологической картотеки. Правда, недостаток помещения значительно тормозил эту работу. В основу плана по составлению картотеки положен план словаря художественной терминологии. Работу по составлению первого философского тома художественной терминологии (от А до Э) можно считать законченной, весь материал находится в распоряжении кабинета.

Соответственно с практикой прошлого года кабинетом были осуществлены также и открытые заседания, на которых заслушивались кроме словарных статей общие теоретические доклады. К числу последних принадлежит: доклад В. П. Зубова (5/X) на тему: „Генезис научной терминологии“, где защищалась мысль о возможности эмпирического и социально-исторического изучения логической терминологии. По мнению докладчика, научность и ненаучность не есть понятия абсолютные, а всегда связаны с условиями данной исторической эпохи и социологической формы общества; ненаучность и архаичность логики есть результат неконгруэнтности логики и онтологии своего времени. В прениях указывалось на релятивизм как неизбежный вывод доклада.

Доклад Б. А. Фохта (21/X) на тему: „Априоризм“ представлял углубленное исследование этого термина в связи со словарной статьей на ту же тему.

Из статей были заслушаны и приняты с некоторыми изменениями следующие: Н. Н. Волков „Аллегория“, Б. А. Фохт „Акмеизм“, А. Г. Габричевский „Жанр“, „Артист“, „Гротеск“, А. К. Соловьевой „Аффект“, М. И. Фабриканта „Арабеск“ и др.

## Л и т е р а т у р н а я С е к ц и я.

Отличительными чертами деятельности литературной секции за первый семестр 1926/1927 академического года следует признать интерес к проблемам стилистики и тенденцию разрешать их на конкретном материале литературной современности. Отсюда ряд докладов, посвященных специальным вопросам теории художественной прозы, стиховедения, ритмики, ораторского искусства. Отсюда же вовлечение в общую работу ряда актуальных тем из литературной эволюции наших дней или недавного прошлого (экспрессионизм, Марсель Пруст, Анатоль Франс, русские символисты, Толстой, Короленко и друг.). Проблема стиля в освещении новейших литературных явлений—таков общий характер работ секции за истекший период.

В частности пленум литературной секции из поставленных заданий осуществлял намеченное изучение общих проблем литературоведения в области теоретической поэтики и историко-литературной методологии, преимущественно в плане социологическом. В порядке осуществления этого задания Пленумом были заслушаны следующие доклады.

Ю. М. Соколов в докладе „Современное состояние эпоса в Олонецком kraе“ (11/X) ознакомил секцию с результатами фольклорной экспедиции ГАХН на место записи былин П. И. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом. За 60 лет протекших с момента собирания этими исследователями былевого эпоса сократилось количество сюжетов, но увеличилось число лиц знающих былины. Изменение репертуара сказалось в переходе от фантастических и героических сюжетов к реально-бытовым, романтическим и новеллистическим. Былина демократизировалась. С методологической стороны новые записи дают возможность судить об эволюции былевого текста на протяжении 3-х-4-х поколений.

В докладе „Опыт социологического и морфологического анализа стихов Маяковского“ (25/X) Г. А. Шенгели подверг пересмотру литературную репутацию Маяковского, оспаривая его право на звание „великого поэта“. Докладчик подводил под свое утверждение анализ тем, мотивов, рифм и синтаксиса Маяковского. В прениях П. Н. Сакулин указал, что докладчик упустил из виду общий поэтический стиль Маяковского (футуризм) и не учел социологических предпосылок этого стиля.

По методу изучения творческой истории крупного произведения был построен доклад М. А. Цявловского „Как писался и печатался роман „Война и Мир“ (8/XI). Доклад развернул широкую картину работы Толстого над его романом и выдвинул ряд ценных рукописных и печатных вариантов.

Доклад И. И. Гливенко „О правдоподобии литературного изображения“ подверг пересмотру вопрос о границах реализма в искусстве. Оппоненты указывали, что в докладе поставлена одна из труднейших проблем искусствоведения, связанная с вопросами о правильности изображения, о художественной убедительности, наглядности, художественной правде и реальной истине.

Сербский сказитель народных песен Милан Воскрескович демонстрировал перед секцией свой репертуар (21/XII). Исполнению его предшествовал доклад Б. И. Ярхо „О современном состоянии народной песни в Сербии“.

П/с. теоретической поэтики за истекший период имела шесть заседаний.

На распорядительном заседании п/секции (1/X) был утвержден план работы на 1926/27 г. Основными проблемами, подлежащими изучению, признаны были: проблема ритма и проблема стиля.

Проблеме ритма посвящено было три заседания: первое из них носило характер собеседования, вступительное слово к которому на тему: „Стих и проза“ сделано было Б. И. Ярхо (15/X), второе (12/XI), на котором заслушан был доклад Л. И. Тимофеева „Ритмика силлабики“, и, наконец, третье (10/XII), на котором заслушан был доклад В. Бабанина: „Икты, их свойства и значение в тонической системе сложения стихов“.

В вступительном слове к собеседованию Б. И. Ярхо предложил исходить из определения стиха, как такой речи, которая характеризуется периодическим повторением какого либо звукового элемента, и сделал попытку установить границы между стихом и прозой, уделив особое внимание значению статистического метода для решения вопроса о степени ритмичности речи. Не возражая против огромного значения статистического метода в области исследования фоники стиха и прозы, большинство участников в собеседовании (М. П. Малишевский, М. П. Столяров, М. А. Петровский и др.) не сочли возможным согласиться с определением стиха, предложенным Б. И. Ярхо и его приемами проведения условных границ между стихом и прозой. Оппоненты указывали, что в основе определения стиха у докладчика лежит смешение понятий ритма и метра, а его подход к решению вопроса о границах стиха и прозы слишком механистичен.

Доклад Л. И. Тимофеева, посвященный определению ритмического строя силлабического триадцати-сложника, как

основного размера силлабики, представлял собою тщательно-аргументированное исследование, основанное на внимательной проработке очень богатого статистического материала, что было отмечено всеми участниками в прениях.

В докладе В. Бабанина была поставлена проблема слышимости метрических ударений („иктов“) в случае несовпадения их со слоговыми ударениями. Утверждая безусловную слышимость иктов, докладчик определил тоническую систему стихосложения, как основанную на чередовании ударных и неударных слогов при определенной иктовой последовательности.

Проблеме стиля посвящено было два заседания: заседание от 29 октября, на котором заслушан был доклад Р. О. Шор: „Методы формального описания в новейших русских работах по стилю“ и заседание от 26 ноября, на котором заслушан был доклад В. В. Виноградова: „О теории словесности“.

Р. О. Шор подвергла суровой критике работы современных русских формалистов, основанные, по мнению докладчицы, на механистической концепции художественного слова, как комплекса языковых приемов.

В докладе В. В. Виноградова была поставлена проблема теории литературных стилей, охватывающей, по мнению докладчика, „четыре круга задач: классификацию типов речи, установку типов композиционно-словесного оформления целостных художественных произведений, морфологию стилистических единств (символов) и синтаксику речи художественных произведений“. Оппоненты, выступавшие в прениях по докладу, обвиняли докладчика, главным образом, в смешении двух подходов к решению проблемы стиля: чисто лингвистического и смыслового.

П/секция русской литературы имела в осеннем семестре семь заседаний: одно распорядительное, на котором вычертился план работ на 1926/27 г., и шесть научных.

Продолжая работу по истории русского символизма начатую в предыдущем академич. году, п/с. заслушала четыре плановых доклада:

1. С. М. Соловьева: „Жуковский и символизм“ (8/X). Установив связь символизма конца XIX в. и проследив реакцию реализма и классицизма в эпоху Возрождения, борьбу Гёте с крайностями символизма и идеализма и символический реализм Гёте, С. М. Соловьев изучил поэтическую эволюцию Жуковского через символизм к реализму и традицию Жуковского в творчестве русских символистов (Брюсов).

2. С. Н. Дурылина: „Александр Добролюбов и Валерий Брюсов“ (22/X).

Основным началом личности Добролюбова и Брюсова является начало волевое. Оно сделало из обоих организаторов русской символической школы, оно же развело их по разным путям: Брюсова в литературу и коммунизм, Добролюбова в мистику и сектанство. Первоначальная история их отношений отмечена преобладающим влиянием Добролюбова на Брюсова: отношение же Добролюбова к творчеству раннего Брюсова было явно критическим.

В докладе Дурылина был приведен ряд неопубликованных писем обоих писателей.

3. И. Р. Эйгеса: „Блок и Жуковский“ (5/XI).

Ряд точных данных из области поэзии Блока и из биографических сведений о нем утверждают связь творчества Блока и Жуковского и рисуют характер отношений Блока к Жуковскому; для Блока и для Жуковского равно характерны черты рыцарства, как сферы поэтических образов.

4. В. Д. Измаильской: „Блок — отец и Блок — сын“ (3/XII).

Задача доклада — установить возможность психологического и идеологического отражения Блока-отца в Блоке-сыне, путем биографическим и путем изучения трудов Блока-отца. На основании показаний лиц, знавших Блока-отца по академической Варшаве, выясняется его образ, некоторые черты которого — артистичность и двойственность натуры и глубина чувств — отразились в Блоке-сыне. Сравнение трудов А. Л. Блока с творчеством А. Блока говорит об общих чертах иронии, мятежности, фантастичности и пафосе любви к родине. Некоторое соответствие наблюдается даже в стиле отца и сына (образность, сжатость и др.) Все это еще более подтверждает автобиографичность „Возмездия“.

Вне плана состоялись доклады:

5. Б. М. Соколова. „О построении курса средневековой русской литературы“ (19/XI).

Отводя обзор научной литературы в спец. курс историографии русской литературы, Б. М. Соколов отказывается излагать русскую средневек. литературу суммарно и предлагает ввести слушателя через тематику и образы в мироощущение средневекового человека. Даётся схематич. построение курса и его отдельных абзацов и лекций (бытование жанра от зарождения до пародирования, эсхатологическая трилогия, полемическая литература).

6. С. Н. Дурылина: „К. Леонтьев, как романист и критик Льва Толстого (к постановке проблемы)“.

Худож. задачей Леонтьева было продолжить ту линию русского романа, которая, начавшись „Капитанской дочкой“, идет через прозу Лермонтова, С. Аксакова, Кохановской, минуя сатирику Гоголя, психологизм Тургенева и натурализм Писемского.

Основы эстетики и поэтики творчества Леонтьева выражены им полнее всего на разборе творчества Льва Толстого.

П/секция Всеобщей Литературы. За отчетный период времени имела 5 научных заседаний, из которых 4 было посвящено современной литературе Запада. Под-секция, поставив себе основным плановым заданием изучение современной западной литературы, принципиально не считает возможным ограничивать работу своих участников какой либо одной литературой или направлением, хотя бы уже потому, что в п/секцию входят специалисты по разным языкам, притом изучающие литературу в весьма различных разрезах. Под-секция считает закономерным, что один доклад был посвящен современной американской литературе на английском языке (6/X, И. А. Кашкин: „Американский романтик Кейбл“), второй — немецкому экспрессионизму (3/XI, П. С. Коган: „О Бехере, — страница из истории немецкого экспрессионизма“), третий и пятый — литературе французской (17//XI, В. А. Дынник: „Искусство парадокса у Анатоля Франса“ и 15//XII Б. А. Грифцов: „Марсель Пруст“). Все эти четыре доклада явились результатом длительной научной разработки и являются естественными звенями академической работы докладчиков (ср. темы предыдущего года). 1//XII состоялся доклад М. А. Гершензона: „Данте в свете марксистской критики“, где докладчик сделал попытку разобраться в противоречивых марксистских подходах к творчеству Данте.

Следует отметить большую, сравнительно с прошлым годом, посещаемость докладов.

За осенние месяцы Под-секция закончила составлением сборник по современной Западной литературе (Коган, Кашкин, Усов, Грифцов, Игнатов, Лямин, Шервинский), каковой и был представлен Президиуму Литературной Секции и, с желанием некоторых добавлений, назначен к печати в одну из ближайших очередей. Наконец, к декабрю оформилась особая, выделенная Под-секция группа Иbero-американской литературы. Инициатором ее явился С. С. Игнатов; действовать она начнет с 1927 г.

Комиссия Художественного Перевода имела 4 заседания: 7/X распорядительное заседание, 21/X заседание с докладом И. К. Линдемана и Ф. А. Петровского о переводе „Средств от любви“ Овидия, 25/XI доклад В. Э. Морица о переводе Гумилевым Т. Готье („Эмали и Камеи“), 16/XI доклад Р. И Шор о принципах перевода ведийской мелики.

В распорядительном заседании 7/X обсуждалась программа занятий Комиссии в текущем акад. году причем, помимо докладов и чтений авторами переводов намечено: 1) устройство вечера средневековой поэзии и 2) диспуты о современном состоянии переводческого дела (во второй половине текущ. академич. года).

В заседании 21/X были заслушаны доклады И. К. Линдемана и Ф. А. Петровского, посвященные рассмотрению принципов стихотворного перевода произведений античных поэтов, причем основным материалом для докладчиков был перевод „Средств от любви“ Овидия, сделанный Г. С. Фельдштейном. Докладчиками было указано на недостатки этого перевода, как общее (несоответствие размера перевода подлиннику, введение рифмы, искажение и пренебрежение образцов и фигур подлинника и т. д.) так и недостатки в деталях. И. К. Линдеман обследовал перевод Фельдштейна, главным образом со стороны русского языка, а Ф. А. Петровский со стороны передачи смысла и художественной стороны латинского подлинника. (Присутствовало 27 человек).

Доклад В. Э. Морица: „Готье-Гумилев“ (25/XI) был посвящен переводу сборника „Эмали и Камеи“ и был основан на статистическом методе учета точности перевода. Докладчик привел ряд весьма ценных цифровых данных, дающих возможность установить определенный коэффициент точности перевода.

Доклад Р. И. Шор: „Ведийская мелика“ был посвящен рассмотрению принципов перевода древне-индийских гимнов на русский язык при чем докладчица привела ряд своих переводов очень близко передающих не только размер подлинника, но и его образы, синтаксис и др. особенности. Доклад сопровождался исполнением как подлинных гимнов так и переводов певицей А. Ф. Евстратовой.

В Фольклорной П/секции ГАХН за отчетное время состоялось 7 заседаний—из них 4 научных (одно—совместно с Комиссией по изучению художественного воспитания), 2—организационных и 1—научно-показательное (совместно с Научно-Показательным Отделом). На научных заседаниях Фольклорной П/секции были заслушаны следующие доклады: Ю. М. Соколова „Предварительный отчет об экспедиции 1927 г. по следам Рыбникова и Гильфердинга“, А. М. Смирнова-Кутачевского „Кадрильные песни“, т. Захарова-Мэнского „О страшальной частушке“ Е. Н. Елеонской „Природа в магических обрядах и заклинаниях“.

Научно-показательный вечер, организованный П/секцией совместно с научно-показательным отделом, был посвящен русским народным песням в исполнении хора Бронницких крестьян под руководством крестьянина П. Г. Яркова; вступительное слово о современном фольклоре Московского края произнес Ю. М. Соколов.

За отчетное время Фольклорной П/секцией была проведена серьезная научно-организационная работа: 1) по изданию

журнала „Художественный Фольклор“: выпущен 1-й № журнала, собраны материалы для 2-го №, принятые меры к более широкому ознакомлению с названным изданием ученых и краеведческих кругов СССР и за-границей. К сожалению, несмотря на горячий интерес и многочисленные запросы с мест, распространение журнала тормозится по независящим от секции причинам, 2) по организации фольклорного кабинета при ГАХН. Детально разработан производственный план, привлечены сотрудники-добровольцы, наложен вопрос о получении материалов с мест. К сожалению, осуществление плана работы тормозится из-за отсутствия средств, 3) по укреплению связи с местами: помимо поддержки уже наложенных связей (со Сказочной Комиссией Р. Г. О.), Под/секцией установлен контакт с фольклорными работниками Украинской Академии Наук и ряда областных музеев.

В Комиссии по Изучению Достоевского состоялось три научных заседания и одно юбилейное заседание, посвященное памяти Достоевского в день 105 годовщины со дня его рождения.

С. Н. Дурылин в докладе „Пейзаж в романах Достоевского“ (27/X) проводил мысль, что пейзаж Достоевского отличается по существу от пейзажей Толстого и Тургенева, так как связан с художественной антропологией его романов, тогда как у Толстого и Тургенева, он выражает их художественную космологию. Пейзаж Достоевского символичен и вбирает в себя всю сложность идей писателя.

На торжественном заседании (12/XI) был заслушан доклад В. С. Нечаевой о деятельности Комиссии со дня ее основания. П. Н. Сакулин произнес речь о современном изучении Достоевского в России и тех направлениях, в каких идет это изучение. Г. И. Чулков произнес речь на тему „Достоевский и Запад“. Охарактеризовав книги Мерри, Андре Жида, Сюареса, Мейер-Грефе, Отто Кауса, Нетцеля, Герм. Гессе, Наторпа и др., докладчик показал, что тема „кризис культуры“ занимающая Запад, была предугадана Достоевским.

После речей, артистами М. Х. А. Т. II-го были прочтены отрывки из произведений Достоевского. В помещени библиотеки Академии к этому дню была организована выставка литературы по Достоевскому, русской и иностранной, за последние пять лет.

В своем докладе „Христос в сознании Достоевского“ (24/XI) Н. К. Пиксанов поставил проблему о значении образа Христа в сознании писателя и собрал освещавший ее материал. Он указал на антропоморфизм образа Христа, стоящий в связи с атропоморфизмом всей философии Достоевского.

В. С. Любимова сообщила комиссии свое исследование на тему „Уголовная хроника, как материал к роману *Идиот*“ (15/XII). Докладчица проработала газетный материал, который мог быть знаком Достоевскому во время писания „*Идиота*“ и установила отражение в романе пяти уголовных дел, которые в то время обсуждались в газетных хрониках.

Президиум Комиссии был занят подготовительною работою по организации музея в доме больницы им. Достоевского. По инициативе В. С. Нечаевой были привезены из деревни „Даровое“ вещи, принадлежавшие писателю, для помещения их в комнатах, где жил юный Достоевский.

## М у з ы к а л ь н а я С е к ц и я.

За отчетный период большинство ячеек Музыкальной Секции работало систематически, выполняя заранее намеченный план.

За этот период Секция имела 64 заседания: 43 научных и 21 распорядительных.

Всего было прочитано 21 научный доклад.

Докладчиком в Пленуме Секции выступил А. Ф. Лосев, сделавший в своем докладе „по поводу 2-го сборника *De musica*“, —критический обзор статей, вошедших в названный сборник.

Конкретно работа под секции Теории Музыки выразилась в следующих докладах: Г. Э. Конюс „1-ая симфония Бетховена“; П. Б. Лейберг. „Об атональности“; Э. К. Розенов. „Критический анализ основ учения о гармонии“; С. С. Скребков. „Анализ финала сонаты Бетховена Ор. 31 № 2 d moll“ и Э. К. Розенов. „Музыкальный ритм и свойства его восприятия“. Первые четыре доклада касались области теории музыки, пятый —затронул области музыкальной психологии и музыкальной эстетики. Г. Э. Конюс продемонстрировал четыре части 1-ой симфонии Бетховена в метро-тектоническом освещении, иллюстрируя анализ исполнением на фортепиано. Докладчик доказывает, что метротектонический анализ дает возможность делать выводы о природе музыкального синтаксиса. В разговорной речи сопряжение частей есть предмет синтаксиса,—в музыке тоже самое: правильное расчленение музыкального произведения устанавливает музыкально-синтаксические смысловые цельности, как частей, так и целого произведения. Метро-тектонизм выявляет зодческую природу музыкального синтаксиса. Доклад был прослушан с большим интересом.—П. Б. Лейберг в своем докладе „Об атональности“ дал краткую характеристику творчества авторов „атональной“ музыки и произвел критическую оценку книги Герberта Эймерта „Учение об атональной музыке“. Во время обсуждения доклада было высказано предположение, что восприятие атональной музыки было бы интересно исследовать экспериментально.—Доклад Э. К. Розенова „Критический анализ основ учения о гармонии“ занял два заседания. В своем докладе Э. К. Розенов утверждает, что все основы прежнего учения о гармонии нарушены современной композицией. Основой для построения гармоний служат любые лады и „гармония“ полу-

чает смысл любого сочетания звуков. Она лишилась своей прежней физиолого-акустической почвы и стала чем-то спорным, субъективно изменчивым. По мнению Э. К. Розенова в основу для гармонического построения должен быть положен гармонический лад, обединяющий в себе тоны, находящиеся в ближайшем акустическом родстве с ладовой тоникой в пределах пятнадцати обер- и унитетонов к ней. Причем само собою выясняется тональное тяготение всех ступеней лада. Автор доклада высказывает пожелание, чтобы его доклад побудил теоретиков серьезно заняться пересмотром пошатнувшихся принципов для выяснения причин разлада между прежней теорией и современной практикой и возможности его устранения. В прениях было высказано сомнение по поводу возможности вовлечения абсолютов в учение о гармонии и было указано на возможность сдвигов, при которых колеблется само понятие гармонического комплекса, например линеарность —пренебрежение вертикальным пониманием при исключительном признании горизонтального.—С. С. Скребков коснулся области тематического развития мотивов. Путем произведенного им анализа 3-ей части сонаты Бетховена оп. 31 №2 d moll он доказывает, что вся эта часть сонаты построена из развития исключительно трех простых мотивов, данных в самом начале.—В своем докладе „Музыкальный ритм и свойства его восприятия“ Э. К. Розенов знакомит со своими взглядами на восприятие музыкального ритма и доказывает, что восприятие его связано тесными нитями с восприятием других музыкальных явлений, как-то: метра, темпа, фразировки, динамики, тембра. Определение музыкального ритма только как соотношения звуковых длительностей совершенно неудовлетворительно ни с точки зрения экспериментальной психологии, ни с точки зрения музыкальной эстетики и не дает понятия о живом ритме, то есть о ритме в художественном музыкальном воплощении. В прениях было указано, что доклад возбуждает целый ряд интересных теоретических проблем, не доводя однако поднятые вопросы до их конкретного научного разрешения. С этим согласился и докладчик.

Деятельность комиссии по Музыкальной Эстетике (при подсекции Теории Музыки) была посвящена исключительно вопросу о формообразовании самостоятельной мелодии, определяемой как эстетически воспринимаемая самостоятельная форма одноголосной музыки, помимо текста и сопровождения. Из собранного материала (больше 200 мелодий) выделены путем опроса образцы мелодий, представляющие из себя самостоятельно эстетически воспринимаемую форму. Из сопоставления этих мелодий выделены их общие свойства, а из сопоставления этих свойств—тезисы, устанавливающие условия, при которых мелодия осознается со стороны лада, тональности, метра, ритма и формы. Линеарный принцип признан

как необходимое, об'единяющее условие формообразования. Председатель комиссии Э. К. Розенов произвел специальные исследования по определению тоники в мелодиях, построенных на народных и церковных ладах, в которых отсутствует вводный тон. На основании своих исследований Э. К. Розенов утверждает, что в мелодиях, построенных в этих ладах, тоника определяется простым преобладанием чистоты ее появления и ее общей длительности.—Член комиссии Е. А. Мальцева прочитала доклад „Различные типы интервалов в мелодии и особенности их восприятия“. Доклад основывался на экспериментальных исследованиях Абрагама, Шеринга и Курта, касающихся восприятия типов мелодических интервалов, ясности их улавливания, запоминания и воспроизведения на память. Практикант С. С. Скребков работал по вопросу о применении линеарного принципа в полифонии.

В Комиссии Метротектонического анализа (при подсекции Теории Музыки) произведены анализы сонат Бетховена оп. 31 № 3 и оп. 49 № 2 и распределены последующие сонаты для их самостоятельного разбора по наличным сотрудникам комиссии.

Подсекция Теории Музыки признала необходимым, ввиду кардинальной важности ее задания, реконструировать Комиссию по Редактированию „Учения о Каноне“ Танеева, дополнив ее состав новыми членами. Названный труд оставлен С. И. Танеевым не в совсем законченном виде. В настоящее время этот труд восстановлен одним из членов комиссии В. М. Беляевым. Его редакция будет сличена с оригиналом и обсуждена в комиссии. Состоялось одно, организационное заседание комиссии.

Уже с конца прошлого академического года подсекция Истории Музыки была озабочена коллективной проработкой юбилейной темы „Бетховен и русская музыка“. К началу текущего академического года выяснилось, что приобретает реальные очертания сборник на указанную тему, и если первые заседания были посвящены некоторым иным, эпизодическим темам (например по эволюции музыкальных стилей XVII—XVIII столетий), то с половины ноября работы подсекции всецело устремились в сторону Бетховена: были заслушаны и подвергнуты критическому анализу части будущего сборника. Особенно много внимания взяли главы на тему о Бетховене—в русском, в частности московском, быту (А. А. Хохловкина, В. В. Яковлев, С. М. Попов); был также заслушан доклад К. А. Кузнецова „Фрагменты из книги—Бетховен и русские композиторы“. На очереди стоит ряд дальнейших „Бетховенских сообщений“, начиная от работы В. М. Беляева об аналитических разборах Бетховенских сонат у С.И. Танеева. Излагать содержание докладов едва ли представляется рациональным, поскольку ко

дню юбилея сборник выйдет в свет. Для совместного выступления с Научно-Показательной частью Академии велись подготовительные работы для концерта „Музыка в Италии в XVII—XVIII веке“ (Аlessandro и Доменико Скарлатти, Дуранте, Перголезе и венецианские баркароллы). Уже выработана программа, получены из Италии ноты и во втором полугодии концерт состоится.

Комиссия по Изучению Русской Истории Музыки (при подсекции Истории Музыки) выдвинула в своей текущей работе следующие основные задания: 1) разработка собранных материалов по изучению творчества и биографических данных, относящихся к Мусоргскому, Чайковскому и Танееву; 2) разработка собранного материала по отдельным вопросам русской музыки конца XVIII и начала XIX века. В первую очередь заканчиваются работы по Мусоргскому. В этом направлении намечен ряд тем: а) Мусоргский, как драматург, б) творческие достижения Мусоргского после Бориса Годунова (Без солнца. Песни и пляски смерти), в) гармонический язык и модуляционный план оперы „Борис Годунов“, г) Мусоргский и критика, д) Мусоргский и его друзья, е) Мусоргский как инструментатор. В комиссии были заслушаны следующие доклады: К. А. Кузнецов—„Буальды в России“; Г. П. Орлов „Характеристика материалов библиотеки Ленинградской Гос. Консерватории“; В. В. Яковлев „Николай Рубинштейн“ и В. В. Яковлев „О частных московских оперных сценах“. Кроме того С. С. Поповым было сделано сообщение „О приемах редактирования и комментирования исторических материалов, подготавляемых к печати“.

Подсекция Музикальной Психологии продолжала выполнение своего плана, занимаясь преимущественно исследованиями экспериментальным методом. Данные, полученные от прежних экспериментов, позволили расширить круг работ и наметить новые проблемы. Так, обработка материалов по восприятию симметрии (Э. К. Розенов) выяснила коренное различие между аналитическим и интуитивным путями восприятия симметрии. Вследствие этого возникла новая задача: исследовать обособленно именно эти виды восприятия, искусственно вызывая их соответствующей постановкой экспериментов. Расширением вопроса о восприятии симметрии является работа М. И. Медведевой „Исследование особенностей восприятия симметрии у детей“. В подсекции был заслушан детально разработанный план названной работы и отчет о предварительных экспериментах. Вышедшая в этом году из печати работа С. Н. Беляевой-Экзэмплярской и Б. Л. Яворского „Восприятие ладовых мелодических построений“ дала возможность наметить ряд проблем в том же кругу вопросов, но более сложных,—так, экспериментальное исследование лада продол-

жалось на более сложных мелодических образованиях.—Аспирантка Л. В. Благонадежина заканчивает работу по исследованию музыкального узнавания.—Е. А. Мальцева продолжала лабораторную работу по изучению явления цветного слуха. Благодаря пополнению оборудования Психофизической Лаборатории оказалось возможным приступить к исследованию ритмического оформления интервалов (практиканта Т. Е. Карповцева).

Комиссией по Музыкальной Энциклопедии (при Секции) была занята окончательной проработкой „словаря“ для энциклопедии художественных терминов. Словарь пополнен и произведена перегруппировка терминов и номенклатур (М. В. Иванов-Борецкий и М. И. Медведева).

Комиссией по Изучению Новой Музыки (при Секции) подготовлен к печати сборник этой комиссии „Время и музыка“.

## Театральная Секция.

Театральная Секция начала свой академический год 16 сентября, когда состоялся первый организационный пленум Секции. В ряде дальнейших организационных заседаний Пленума и Президиума был установлен план работ на ближайшее полугодие, урегулированы вопросы о деятельности отдельных ячеек и установлен состав работников. В результате всех этих мероприятий были установлены планы работ исторической, теоретической п/секции, п/секции Психологии Актерского Творчества и комиссий Революционного и современного театра, Автора и Зрителя. Были произведены перевыборы на должности ученого секретаря Секции и председателя комиссии Современного театра. Кандидаты Секции Н. Д. Волков и П. А. Марков были затем утверждены Правлением ГАХН. В качестве штатного научного сотрудника был утвержден П. М. Якобсон.

В отличие от прошлых годов Театральная Секция в этом сезоне выдвинула ряд коллективных заданий, которые должны исполняться всеми членами Секции и явиться результатом действительно общей секционной работы. Еще в бытность Николая Ефимовича Эфроса, Секция предполагала вести углубленную работу по изучению истории текста и сценической судьбы „Ревизора“ Гоголя. Теперь эта работа была поставлена в порядок дня. Затем Секция в качестве второй коллективной работы поставила работу по созданию словаря театральных терминов, исполняя этим общеакадемическое задание. И наконец, было решено произвести фиксацию наиболее значительных постановок текущего московского сезона, дабы создать научный фундамент для театральной критики и тем самым сблизить ее с проблемами театроведения. Во исполнение этих заданий Секция в истекшем полугодии произвела ряд работ.

Работы по „Ревизору“ велись в двух направлениях. Н. Л. Бродский взял на себя труд изучить творческую историю „Ревизора“, как по сохранившимся рукописям, так и по печатной текстологии. В специальном докладе Н. Л. Бродский сделал первое сообщение о результатах своего исследования, сконцентрировав внимание на истории пока лишь сценического текста. Второе русло работ по „Ревизору“ шло в направлении изучения сценического прочтения комедии Гоголя современным театром. С целью накопить материал непосредственный и све-

жий, было предложено режиссеру В. М. Бебутову ознакомить Секцию с той постановкой „Ревизора“, которая была им сделана в театре МГСПС. Доклад Бебутова сопровождался демонстрацией эскизов костюмов и макета. Так что, постановка получила полное освещение. Состоявшаяся в декабре 1926 г. постановка „Ревизора“ В. Э. Мейерхольдом также вошла в круг внимания Секции. В текущем полугодии было устроено два заседания, на которых члены секции сделали ряд предварительных сообщений, подготовляя возможность устройства открытого заседания на данную тему.

Работа по составлению терминологического словаря велась следующим образом. Прежде всего при Президиуме Секции была образована специальная терминологическая комиссия, которая разрешала все общие вопросы по словарю. Здесь составлялись списки слов и разрешались другие вопросы. Вместе с тем проработка основных терминов была передана в соответствующие ячейки Секции. Теоретическая п/секция получила в свое ведение термин „Театр“, п/секция Психологии термин „Актер“ и комиссия Автора термин—„Драма“. Члены Секции В. Г. Сахновский, Л. Я. Гуревич и член-Корреспондент В. М. Волькенштейн представили тезисы, устанавливающие об'ем понятия данных терминов и обсуждение этих тезисов заняло ряд интенсивных заседаний подсекций и комиссии. Особенно длительные дискуссии вызвал термин „Театр“, занявший ряд рабочих дней теоретической п/секции.

На ряду с этими общими работами, каждая ячейка Секции вела свою собственную работу.

Историческая п/секция заслушала в истекшем полугодии пять научных докладов. Все эти доклады были посвящены тому или другому вопросу русской театральной истории и в особенности истории крепостного театра, что входит в производственный план Исторической подсекции. По крепостному театру были сделаны следующие доклады: Н. П. Кашин сделал сообщение о театре Познякова, а В. А. Степанов о театре в с. Архангельском, опубликовав ряд материалов относящихся к театральному зодчеству П. Гонзаго. В. А. Филиппов также на основе архивных документов, дополненных мемуарами сделал сообщение о маскарадах, каруселях и спектаклях при дворе Екатерины II. 50-летие со дня смерти Н. Х. Рыбакова было отмечено специальным вечером устроенным Исторической п/секцией (как Пленум Секции) в Ц. Д. Рабиса. Доклад о Рыбакове сделал Н. Л. Бродский, а в исполнительной части участвовали артисты Малого театра. Совместно с комиссией Зрителя был устроен п/с. доклад О. Э. Чаяновой „Зритель театра Медокса“, где докладчица привлекла к изучению ряд документов, характеризующих социальный состав Москвы 80-х и 90-х годов 18-го века.

Как указывалось выше, Теоретическая п/секция посвятила целый ряд заседаний обсуждению тезисов В. Г. Сахновского по термину „Театр“. В результате этих обсуждений были приняты те теоретические положения, которые должны лечь в основу соответственной статьи словаря. В качестве теоретического доклада было заслушано сообщение П. М. Якобсона о системе театрального знания, при чем докладчик пытался разграничить сферы деятельности отдельных театроведческих дисциплин и предметы их изучения. Вplenум Секции был вынесен п/секцией вышеуказанный доклад В. М. Бебутова: „Постановка „Ревизора“ в театре МГСПС“. Этот доклад, кроме своего исторического значения имел определенное теоретическое задание, так как докладчик должен был на конкретном примере говорить о взаимоотношении авторского текста и режиссерского замысла в современном театре.

Совместно с п/секцией Психологии Сценического Творчества было устроено два доклада: Н. Д. Волкова „Основные вопросы изучения книги Станиславского“ и доклад О. А. Шор: „К проблеме природы актерского творчества и возможности фиксации спектакля“. Доклад Н. Д. Волкова имел методологическое задание и путем анализа книги устанавливал ту проблематику, которая обязательна для каждого, кто не только читает, но и изучает книгу Станиславского. О. А. Шор поставленные ею проблемы рассматривала в свете проблем современного сознания и ее доклад носил философский характер.

Доклад Н. Д. Волкова о книге Станиславского рассматривался п/с. как введение к ряду аналогичных докладов о теории Станиславского, в результате которых должно было получиться всестороннее обсуждение проблем книги: „Моя жизнь в искусстве“. Также как Теоретическая п/секция, п/секция Психологии Сценического Творчества большую часть своего внимания уделила работе по словарю и подвергла детальному обсуждению тезисы Л. Я. Гуревич к термину „Актер“. Кроме докладов О. А. Шор и Н. Д. Волкова, устроенных совместно с Теоретической п/секцией, п/секция Психологии заслушала доклад Б. Е. Захавы „О работе Е. Вахтангова над „Чудом св. Антония“. Докладчик сообщил о методах работы Вахтангова и о различных редакциях спектакля. П/секция в результате доклада приняла постановление об издании под маркой ГАХН книги Захавы „Вахтангов и его Студия“, куда в качестве одной из глав входил и настоящий доклад. Книга Захавы вышла в истешем полугодии, как издание ГАХН.

Комиссия Автора также принимала участие в работах над словарем, В. Н. Волькенштейн дал тезисы о „Драме“, которые и были приняты, как основа будущей словарной статьи. Два доклада было посвящено русским драматургам прошлого.

Л. П. Гросман на основе архивных документов заново пересмотрел вопрос о преступлении Сухово-Кобылина. Этот доклад впоследствии был опубликован в журнале „Новый Мир“ (№ 12—26).

В. Е. Беклемишева сделала сообщение на тему „Леонид Андреев и театр“ в котором коснулась, как теоретических утверждений Андреева, так и творческой истории его пьес. В Пленум Секции комиссия вынесла доклад Н. Л. Бродского „Гоголь в работе над Ревизором“, о котором упоминалось выше.

Комиссия Зрителя заслушала два доклада, посвященных зрителю спектакля „Шторм“ в театре им. МГСПС. Здесь были сообщены результаты анкетного обследования, произведенного Театрально-Исследовательской мастерской и учет реакций. Докладчиками выступали работники мастерской—Трояновский и Недзицкий. Плановая работа по изучению современного зрителя получила также свое выражение в докладе А. А. Фортунатова „Деревенский зритель“, где докладчик дал ряд выводов, построенных на данных пятилетней работы в деревнях Мало-Ярославского уезда Калужской губернии за годы 1920—25. Кроме того совместно с исторической п/секцией был обсужден доклад О. Э. Чаяновой „Зритель театра Медокса“.

Комиссия Революционного театра вела работу по составлению точной описи театральных событий Москвы за революционное десятилетие 1917—27. Все регистрируемые факты заносятся на карточки и таким образом комиссия образует карточку по истории революционного театра, приурочивая опубликование собранных материалов к десятилетию октябрьской революции. Наблюдение над этой работой взял на себя Н. П. Кашин. В качестве доклада было заслушано сообщение А. М. Родионова „Проблема и методы театрального просвещения“.

Комиссия Современного театра начала свою плановую работу устройством доклада В. М. Волькенштейна „Стиль МХАТ‘а 2-го“, затем опубликованного в журнале „Новый Мир“ (№ 12). Доклад В. М. Волькенштейна привлек внимание самого театра и дал возможность Театральной Секции обсудить проблемы деятельности МХАТ‘а 2-го совместно с его представителями.

П. А. Марков поставил в порядок дня вопрос о проблематике социального заказа и соответственный доклад вызвал длительное обсуждение перенесенное продолжением и в текущее полугодие. В Пленум Секции Комиссия вынесла обсуждение постановки „Ревизора“ в Тим‘е, о чем говорилось выше.

Кроме докладов и заседаний по словарю, Театральная Секция в истекшем полугодии устроила ряд показательных выступлений на площадке ГАХН. Целью этих выступлений была демонстрация новых форм театральной работы. Коллектив „Синей Блузы“ продемонстрировал форму живой газеты,

Проекционный театр—иска<sup>н</sup>ия в области сценического движения и фонетики, В. М. Яхонтов—познакомил с формой литомонтажа (Пушкин).

В истекшем полугодии Театральной Секцией были опубликованы в печати следующие работы: вышли книги Б. Е. Захавы „Вахтангов и его Студия“ и И. Клейнера: „Театр Мольера“. Кроме того доклады В. М. Волькенштейна и Л. П. Гроссмана, как уже говорилось, были напечатаны в качестве статей в журнале „Новый Мир“.

## Секция пространственных искусств.

В Подсекции теории пространственных искусств за указанный период состоялись три доклада, которые стояли в плане работы, выработанном в прошлом году. Доклады были связаны с вопросом стиля, причем доклады, трактующие стиль в живописи были прочитаны на совместном заседании с живописной комиссией; доклады, связанные с вопросом стиля в архитектуре были обсуждены на совместном заседании с комиссией по изучению архитектуры.

15 октября был заслушан доклад Н. М. Тарабукина „Формально-стилистические категории живописи“. Докладчик в своей работе пересмотрел формально-стилистические категории: портрет, жанр, натюрморт, пейзаж, которые по его мнению были неправильно трактованы исследователями искусства. Н. М. Тарабукин стремился дать историческое обоснование категорий, стилистические тенденции их и установить их историко-социологические границы.

27 октября Д. С. Недович в докладе „Классический стиль“ дал определение классического искусства. Важнейшими признаками классического искусства по мнению Д. С. Недовича являются: высокая качественность, широкий об‘ем и отражение идеологии эпохи. Докладчик, устанавливая принципиальное различие между чистым и прикладным искусством, указывал, что последнее также отражает стиль эпохи.

24 ноября обсуждался доклад Н. И. Брунова: „О древнерусском архитектурном стиле“. Докладчик установил преобладание в русской архитектуре постоянных компонент: (северная и греко-восточная компоненты). Древне-русская архитектура на всем протяжении сохраняет свои специфические черты, поэтому западно-европейские архитектурные стили (романский стиль, готика, барокко) нашли лишь слабый отклик. Докладчик определяет эволюцию в русской архитектуре XI—XVII вв. от классического к живописному.

11 ноября совместно с философским отделением состоялось заседание с докладом А. А. Сидорова: „О художественном образе по материалам пространственных искусств“, см. филос. отд.

В Подсекции Эволюции художественной формы СПИ ГАХН за отчетный период было прочитано три доклада: доклад Н. И. Брунова (12/X) „Начало москов-

ской архитектуры“ вскрыл стилистический смысл ранне-московских памятников и наметил ряд влияний обусловивших их особую природу.

Доклад М. В. Алпатова (26/X) „Начало московской живописи“ по новому осветил проблему взаимоотношения новгородской и московской иконописи.

Доклад М. А. Ильина (28/XI) „К композиции масс в московской храмовой архитектуре XVI века“ дал подробный анализ композиции архитектурных масс и проследил взаимоотношения шатрового и пятиглавого типов.

Из научных докладов П/с. современного искусства должно быть выделено заседание, посвященное памяти В. А. Серова (9 декабря 1926 г.) привлекшее до 300 человек посетителей. Программа заседания была составлена из ряда докладов дававших характеристику творчества и личности Серова с разнообразных точек зрения; так доклад И. Э. Грабаря рассматривал Серова, как портретиста. Вспоминая оценки, даваемые творчеству покойного художника непосредственно после его смерти, И. Э. Грабарь полагает, что излишней переоценки художника в этих суждениях не было; после прошествия 15 лет мы склонны еще выше ставить искусство Серова; он рисуется, как последний великий портретист, достойного преемника которому мы не знаем; наблюдаемый в XX веке уклон европейского искусства в сторону чисто формальных исканий цвета, конструкции, фактуры—вызывал ослабление интереса к проблеме портрета и упадок портретного искусства.

Доклад А. И. Анисимова: „Серов — художник“. Несмотря на то, что Серов чувствовал и передавал русскую природу, русского человека, „стихией Руси“—тоньше и глубже, чем кто-либо, сознание его не было глухо к ценностям классической культуры и западной цивилизации. Серов представляется докладчику, прежде всего, „европейцем“, глубоко культурным в своем отношении к искусству, к проблеме мастерства и художественной форме. Это те новые черты, которые делают искусство Серова столь непохожим на предшествующее ему искусство „передвижников“ Репина.

Доклад А. М. Эфроса: „Трагедия Серова“. А. М. Эфрос характеризует отношение к художнику более молодого поколения; художественный облик Серова рисуется сугубо сложным; эта сложность, эта разноречивость предпосылок, из которых исходил мастер, не всегда им преодолевались,—творчество Серова лишено последнего единства, разрывающего гармонии. Это сознавал с большой остротой и сам Серов; внутренние противоречия его художественной воли, постоянная самопридирка, недоверие к своим силам, излишняя интеллектуальность, напоминающие А. Иванова, являются истоками трагедии Серовского творчества.

**Доклад В. К. Дервиз: „Личные воспоминания о Серове“.** Докладчик является близким человеком покойному художнику; их дружба возникшая еще в стенах академии, укрепилась после женитьбы Дервиз на двоюродной сестре Серова; в своих непосредственных и живых воспоминаниях В. К. Дервиз сообщает много характерных и до тех пор неизвестных данных, рисующих отношение Серова к искусству, процессу художественной работы, его отношение к заказчикам, к государственной власти и т. п. Докладчик заканчивает выражением пожелания, чтобы лица знавшие В. А. Серова поспешили публикацией своих воспоминаний, они явятся тем материалом, из которого возможно будет впоследствии построить достойную художника монографию.

**Доклад А. А. Сидорова: „Рисунок Серова“.** Докладчик указывает, что как бы мы ни оценивали искусство Серова, в одном отношении Серов является мастером, не знающим соперников в русском искусстве, достигающим высочайших вершин искусства—это в области рисунка. Рисунок Серова не страдает „графизмом“ современного художнику поколения „Мир искусства“; задачи Серовского рисунка не исчерпываются и целями предварительного штудирования натуры; рисунок Серова имеет самодовлеющую ценность. Докладчик дает всестороннюю характеристику формальных особенностей Серовского рисунка и заканчивает пожеланием, чтобы долголетний труд художника, которому он посвятил столько любви и настойчивых усилий, рисунки к басням Крылова, дождался бы, наконец, своего опубликования.

Н. С. Моргунов в своем сообщении „Выход Серова из Академии“—зачитывает обнаруженное им в архиве Академии Художеств в высшей степени интересное письмо Серова к президенту Академии, где художник заявляет, что он не может более работать в учреждении, во главе которого стоят лица, руководившие расстрелом 9 января 1905 г. Письмо это слишком дерзкое по своему тону, не было оглашено на заседании Совета Академии, что вызвало второе письмо Серова с настойчивым требованием оглашения причин его ухода из Академии. Письма эти, похороненные академическими бюрократами и остававшиеся неизвестными русской общественности, бросают яркий свет на переворот в политическом мировоззрении художника, произошедший в нем под влиянием событий 9-го января, непосредственным наблюдателем которых он явился.

**Доклад Т. М. Пахомовой: „Женские портреты Серова“.** При решении проблемы портрета можно наметить два основных пути; одни художники приносят в мир сложившийся и ярко выраженный образ, в котором растворяются индивидуальные

черты модели, другие всю силу творческой энергии направляют на возможно более глубокую передачу действительности; Серов принадлежит ко второй группе: он придерживается обективно-психологического метода, придающего его портретам значение „человеческого“ сознательно-исторического документа. Докладчик дает характеристику основных групп, на которые распадается женский портрет Серова: на портрет репрезентативно-аристократический, буржуазно-интеллигентский, аристический и интимный, и освещает этим методы анализа и приемы изобразительности, которыми пользуется художник. Если мастерство Серова всегда остается напряженным и острым, то в портрете интимном, в особенности в ранних работах, Серов дает выход своему лирическому ощущению, достигая большой высоты и самобытности художественной формы. Серов—художник переходной эпохи; некоторый эклектизм его приемов и колебания в выборе художественного метода не дали ему в полной мере осуществить свою творческую индивидуальность.

Доклад А. В. Бакушинского: „Темы и формы шествий у Серова“. Работа над эскизом Серова, изображающим похороны Баумана (1905) натолкнула докладчика на ряд сопоставлений. Сравнивая с упомянутым эскизом картину Третьяковской Галереи „Петр I“, а также различные варианты „Навсики“ (из собр. б. Карпова, из Третьяковской Галереи) докладчик указывает на общность целого ряда существенных моментов. Тема „шествие“ трактуется везде в формально-развернутом построении, приобретающем теперь некие черты монументальности, ритмические цезуры и акценты имеют много аналогий и даже в трактовке отдельных фигур наблюдается часто поразительная близость в мотивах движения. А. В. Бакушинский полагает, что созданный под непосредственным впечатлением похорон Баумана первый эскиз, еще носящий на себе отпечаток импрессионистического восприятия, не мог разрешить родившегося в душе художника образа „шествия“. Этот образ, быть может подсознательно, заставил художника изжить себя в ряде последовательных вариантов далеких друг от друга сюжетно, но формальное родство которых не может быть отрицаемо. Доклад А. В. Бакушинского сопровождался демонстрацией на экране разбираемых произведений.

Другая годовщина—20 летие со дня смерти Сезанна—была отмечена докладом Н. В. Яворской „Обзор литературы по Сезанну“. Доклад был прочитан 22 ноября, в день кончины художника в Эксе. Н. В. Яворская дала подробный анализ литературы художника, основанный на проработке материала в Парижской библиотеке. Отметив проблемы, разработанные литературой, она указала на ряд методологических дефектов, из которых наиболее важные заключаются в том, что исследовав-

тели не принимают во внимание искусство Сезанна в его диалектическом развитии, а строят характеристику его лишь на определенном периоде.

Доклад К. А. Зелениной: „История художественной группы Бубновый Валет“ был посвящен зарождению, развитию и распаду этого художественного общества, игравшего центральную роль по отношению к другим московским группировкам. Докладчица охарактеризовала постепенно изменившееся отношение художественной критики и общества, затронула вопрос о коллекционерах, об участии иностранных художников на выставках „Б. В.“. Настоящий доклад, посвященный фактической истории группы „Б. В.“, явился начальным в ряде намеченных П/секцией докладов, посвященных всестороннему рассмотрению художественной деятельности этой группы, и места, занимаемого ею в русском искусстве.

Очередным проблемам русского искусства был посвящен доклад Д. М. Арановича: „Живопись, как проблема современности“. Докладчик полагает, что живопись последних десятилетий вместо высокого назначения резюмировать идеи и чувства времени, замкнулась в узкий круг самодовлеющих профессионально-технических исканий. Возникшее у нас противоположное художественное течение (АХРР) страдает слабой художественной культурой, смещением проблемы сюжета и содержания в живописи. Отсюда вытекают два таких последствия: не может быть искусства, где есть только форма и нет содержания (левое искусство); не может быть искусства, где есть содержание и нет формы. В дальнейшем докладчик переходит к анализу отдельных проблем живописи (портрет, бытовой психоз, пейзаж, натюрморт, нагое тело), с точки зрения их приемлемости для современного общественного порядка.

Доклад Б. Н. Терновца: „Современная французская скульптура“ (13/IX) дал характеристику этого искусства во Франции в XX столетии. Докладчик полагает, что процесс развития европейской скульптуры по сравнению с богатством и сложностью живописной эволюции, представляется несколько суженным и бедным; вместе с тем он менее органичен и носит следы воздействия живописных исканий. Кульминационным пунктом господства живописных начал в скульптуре нужно считать творчество Родэна; вся современная скульптура развивается под знаком реакции против родэновского понимания формы; в аспектах этой борьбы против традиции Родэна следует рассматривать творчество выдающихся скульпторов старшего поколения: Майоля, Бернара, Бурделля. Переходя к левым исканиям (Архипенко, Лившиц, Цадкин, Лоранс), докладчик полагает, что в скульптуре они не сыграли той роли, как в живописи. Для скульптурного мироощущения современности

характерно прежде всего увлечение проблемой чистой пластики. Здесь общий язык, об'единяющий молодежь со старшим поколением.

Ведущейся П/секцией Совр. Искусств био-библиографической работе по современному русскому искусству были посвящены два заседания: первыми были заслушаны и обсуждены работы К. А. Зелениной о художнике М. С. Родионове и работы Т. М. Пахомовой о художнике Л. Ф. Жегине; на втором (6/XII)—работа Л. В. Розенталь о С. В. Герасимове, К. А. Зелениной о Л. Бруни и А. И. Аристовой —о Кустодиеве.

Наконец следует отметить летучие однодневные выставки, устроенные П/секцией к некоторым из прочитанных докладов; так к докладу Н. В. Яворской была устроена интересная выставка литературы по Сезанну, собравшая до 80 №№ отдельных монографий и статей, посвященных его творчеству; к докладу К. А. Зелениной были устроены выставки материалов по Бубновому Валету, состоявшая из разных афиш этого общества, афиш и программ к диспутам, полного собрания каталогов общества „Б. В.“, образцов членских билетов, пригласительных карточек и т. д. Вместе с тем были демонстрированы сводки, таблицы и диаграммы, характеризующие участие на выставках „Б. В.“ русских и иностранных художников.

В Комиссии по Изучению Скульптуры состоялись следующие доклады:

11/X В. Д. Блаватского: „Античная скульптура и ее взаимоотношения с другими видами античного искусства“

Докладчик рассмотрел взаимоотношение античной скульптуры с другими видами античного искусства в разрезе параллельного соответствия их в двух планах—локально-племенном и временном. Главнейшие временные этапы суть Архаика, Классика и Эллинизм—общая эволюция от первой к последнему, есть эволюция от связанной формы к свободной.

27/X О. Ф. Вальдгауэра: „О вновь найденной в Помпеях бронзовой статуе“. Докладчик считает вновь найденную в Помпеях бронзовую статую до того отличной от голов Эрмитажа и собр. Баррокко, что возведение всех трех к одному оригиналу очень сомнительно. Вновь найденная статуя является произведением Аргосской школы середины V века. В прениях было высказано предположение, что изменения в Эрмитажной голове могли быть делом копииста.

8/XI И. Ф. Рахманова: „О принципах скульптурной композиции“. Докладчик утверждал что возможно выделить некоторые основные принципы скульптурной композиции вытекающие из сущности скульптуры, как искусства об'емной формы.

Ритмическое движение и выражение эмоции материальными средствами—суть основы об'единяющие все искусства. Специфика скульптуры заключается в передаче движения в неподвижном материале.

22/XI М. М. Кобылиной. „Кипрская круглая скульптура“. Докладчица характеризовала кипрскую скульптуру, как синкетическое искусство, несущее в себе элементы искусства Ассирии, Египта, Греции. Эта скульптура монументальна, статична, плоскостна, отличается замкнутостью композиции, тяжелыми формами.

6/XII М. М. Кобылиной: „Поздние египетские терракотты“. Докладчица характеризовала поздние египетские терракотты, как одно из ответвлений Саисской скульптуры с примесью некоторых особенностей греческого происхождения. Большинство статуэток имеют рельефный декоративный стиль. Материалами терракотт является пилосская глина: красная и прокопченая.

20/XII С. А. Торопова: „Материалы по скульптуре надгробий“. Докладчик дал обзор русских надгробий с 1-й половины XVII в. до 40-х г. XIX в., отмечая при этом отражение архитектуры времени на скульптуре надгробий и влияние работ больших мастеров на ремесленных произведениях. Докладчик предлагает ряд тем по указанному материалу со специальными уклонами, разработка коих, как и классификация продемонстрированного докладчиком материала была признана Комиссией крайне интересной и необходимой.

В Комиссии по Изучению Живописи были прочитаны следующие доклады:

29/X А. Н. Греч: „Колорит в русской живописи XVIII в.“—доклад из цикла, посвященного истории колорита в русской живописи. Исходя из того положения, что колорит в живописном произведении является одним из показателей стиля, автор прослеживает смену подходов к нему в связи с общей эволюцией стиля на протяжении XVIII в.

Эпоха барокко характеризуется в докладе подходом к краске, как к декоративному элементу. В первый период рококо краска становится моментом формующим. Во втором периоде рококо краска служит выражению идеи художественного произведения, причем в одной линии развития русской живописи цвет выражает психический облик модели, в другой—является самоцелью художественного произведения. Конечно, эпоха классицизма воспринимает колорит, как расцветку.

12/XI Н. С. Моргунова: „Живопись Сурикова по новым данным“. В докладе подчеркивалось значение Сурикова, как живописца и был поставлен вопрос о взаимоотношениях сурин-

ковского мастерства с западно-европейским искусством. Докладчик считает Сурикова мастером, впитавшим в себя художественную культуру Запада.

26/XI Д. Ф. Богословского: „Лаки, смолы и их практическое применение в живописи“. В докладе дана была характеристика различных типов лаков и смол, их приготовления и применения в живописи Особо был рассмотрен вопрос о повреждениях лаковой поверхности на картинах и методы устранения этих повреждений. Доклад сопровождался демонстрацией материалов, о которых шла речь в докладе.

Кроме того, совместно с Комиссией по изучению живописи устраивали заседания: Теоретическая подсекция. 15/X. Доклад Н. М. Тарабукина: „Формально-стилистические категории живописи“ (см. выше) и Кабинет по изучению творчества Сурикова: 17/XII. В. А. Никольского: „История композиции Боярыни Морозовой“ Сурикова (см. ниже). Преимущественно комиссией по изучению живописи был организован общекадемический вечер памяти В. М. Васнецова

Инициативной группой (К. Ф. Юон, Н. М. Чернышев, Г. В. Жидков) разработан план выставки по стенописи, которую предполагается устроить во втором полугодии 1926—27 г. Г. В. Жидков во время своего пребывания в Ленинграде договорился с представителями Г. Ак. Инст. Мат. Культур о предоставлении на выставку ряда копий с русских фресок.

В Комиссии по Изучению Архитектуры были заслушаны доклады:

15/X Н. Г. Машковцева: „Ансамбль у архитектора Витберга“. Докладчик ознакомил с Вятскими работами Витберга и попытался обрисовать Витберга, как мастера большого ансамбля.

1/XII С. В. Платоновой: „Архитектурное образование во Франции в эпоху Великой Революции“. Доклад ознакомил с условиями и методами художественного образования в революционной Франции, вскрыв довольно подробно историко-бытовую сторону вопроса. Были высказаны пожелания с большим вниманием остановиться на общих моментах обусловивших новые формы художественного образования.

17/XII В. В. Згуря: „Китайская архитектура и ее отражения в Западной Европе“. Вкратце остановившись на основных принципах китайского формопонимания докладчик выяснил подробно природу европейской китайщины, установив ее глубокую связь с искусством Рококо. Китайщина, как утверждает докладчик, явилась первой эклектикой европейского искусства, за которой последовали романтические стили.

Комиссия постановила доклад наметить к изданию.

Первое организационное заседание Графической комиссии было посвящено вопросам издательским и выставочным, деятельности комиссии в текущем академическом году.

А. А. Сидоров информировал собрание об общем положении художественного дела в Академии и указал издательские возможности которые могут быть использованы Графической комиссией. Признано желательным издание небольших серий: „Мастера современной графики“ и „Проблема графики“.

По вопросу о выставках постановлено устроить выставку „Рисунок Митрохина“ и считать желательным выставки Ефимова совместно со скульптурной комиссией.

В результате подготовительных работ по выставке Митрохина выяснилось: выставка намечается на 1927 г. Экспонаты графической комиссией уже получены. К открытию выставки предположено издание небольшой книги — брошюры „Рисунки Митрохина“ со статьей К. С. Кравченко.

Доклад М. А. Доброя: „Классификация гравюр по признаку технического их выполнения“ является, как бы второй частью читанного им в 1925 г. доклада „Классификация гравюры“. Настоящий доклад усматривает основной признак классификации печатных произведений — организованность самого образующего светоотражение агента, при чем для дальнейшего подразделения важно, перетерпевает он физическую или химическую деформацию. По методу печатания гравюра подразделяется на ксилографскую и металлографскую, при чем и та и другая могут быть подразделены по методу обработки доски, механическому или химическому. Вместе с тем все виды гравюры могут быть подразделены по принципу прерывности или непрерывности организации светоотражения. В подразделениях цветной гравюры существенно, печатана ли она с одной или нескольких досок.

Доклад сопровождался демонстрацией образцов техники офпорта, гравюры и литографии.

Доклад М. И. Фабриканта: „История русского печатного украшенного инициала XIX в.“ различает следующие инициалы: декоративный, конструктивный, ксилографический, иллюзионистический. Докладчик полагает, что история украшенного инициала, следя общей эволюции графического искусства, имеет все же и некоторые свои особенности. Доклад рассматривает ампирный, романтический, реалистический, декоративный и ретроспективный инициалы, а также современные инициалы „Мир искусства“ и Московской школы.

Доклад сопровождался тщательно подобранный демонстрацией книг с украшенными инициалами.

Обширный доклад К. С. Кузьминского: „О начальном периоде русской ксилографии 19 в.“ вызвал значительный интерес и оживленный обмен мнений. Доклад был построен в историческом аспекте с краткими характеристиками русской ксилографии в до-петровскую эпоху и 18 веке, и подробным освещением материала и влияний в ксилографии 19 века—периоде наименее известном и наименее изученном. Докладчик привлек к своему исследованию много ценных и новых данных, что было отмечено всеми оппонентами, несогласившимися только некоторыми оценками докладчика. Доклад иллюстрировался книжными и иными графическими материалами.

Доклад Л. Р. Варшавского „Индустриальная графика“ привлек к своему исследованию фабричные, торговые и издательские знаки, отделив, таким образом, индустриальную графику от прикладной графики вообще. Докладчик констатирует высокое качество полиграфической продукции и индустриальной графики на западе и низкое в СССР, потому что у нас художники мало привлекаются к этому роду графики. Детально разработаны в докладе вопросы о назначении, задачах и формах индустриальной графики.

Доклад А. И. Некрасова: „Русская ксилография 16 века“ дал исчерпывающий хронологический обзор и тщательный анализ ксилографии 16 века, установив ее истоки и образы. При чем автор доклада останавливался только на листовой книжной гравюре, полагая что развитие ксилографических книжных украшений имело свои иные пути. Докладчиком были показаны редкие экземпляры книг с гравюрами.

Доклад В. Я. Адарюкова: „Гравер Скородумов“ явился первым серьезным исследованием об этом гравере. Докладчиком установлено место, занимаемое Скородумовым в истории русской гравюры, дан точный перечень, приписываемых ему листов, внесены поправки по Скородумову к словарю граверов Ровинского, найдены и привлечены к работе много новых биографических данных. Доклад сопровождался демонстрацией самых значительных и редких листов из отчета Скородумова, а также некоторых, сомнительных по принадлежности Скородумову листов.

В Музейной Комиссии состоялись следующие доклады:

16/XI. А. И. Анисимов: „Научные принципы музейной реставрации“.

Докладчик высказал положение, что принципы научной реставрации или, вернее „раскрытия“ требуют удаления всех записей с памятника живописи вне зависимости от того, угрожает ли ему разрушение в ближайшем будущем, или нет. Запись может быть оставлена, если она представляет самостоя-

тельное эстетическое и историческое значение, а также могут быть оставлены поновления, не мешающие восприятию памятника. Все решительно производимые реставрации должны контролироваться особым органом и производиться под надзором соответствующего специалиста (в особо важных случаях комиссией специалистов).

Доклад собрал значительную аудиторию и вызвал оживленный обмен мнений, в котором основным пожеланием оппонентов было допущение реставрации, дополняющей и восстанавливющей памятник с целью создания законченного художественного впечатления. С другой стороны, указывалось на желательность и целесообразность в некоторых случаях оставить памятники со всеми теми изменениями, которые вносили в нем позднейшие поколения, как характеризующие соответствующие эпохи.

На двух открытых заседаниях Кабинета по Изучению творчества В. И. Сурикова совместно с Комиссией по изучению живописи 2 декабря под председательством Б. Н. Терновца, 17 декабря под председательством К. Ф. Юона заведующим Кабинетом В. А. Никольским был прочитан доклад на тему: „История композиции „Боярыни Морозовой“ посвященный датировке композиционных эскизов картины и выявлению композиционных методов Сурикова (присутствовало 147 слушателей).

В кабинете производились работы по изготовлению калек с композиционных эскизов „Боярыни Морозовой“ (до 20 калек) и по составлению библиографического указателя литературы о Сурикове (составлено до 80 карточек).

Заведующий Кабинетом неоднократно принимал участие в отборе, определении и датировке произведений Сурикова, поступающих на организуемую Государственной Третьяковской Галереей Суриковскую выставку.

## Секция Декоративных Искусств.

За отчетный период (с 1/X—26 по 1/I—27 г.) Секция Декоративных Искусств вела работу по планам, разработанным ею в истекшем академич. году, при начале ея деятельности в качестве самостоятельной секции ГАХН (см. бюллетени ГАХН 4—5, стр. 65—68).

Подсекция теории и эволюции декоративных форм продолжала лабораторные занятия по изучению стиля русского фарфора по материалам Госуд. Музея фарфора. Кроме того в Подсекции были прочитаны доклады:

В. В. Арендта: „Историческое оружееведение и современное его состояние“ (17 ноября). Основной целью доклада было ознакомить с развитием исторического оружееведения, как на Западе, так и у нас. Но докладчик не ограничился анализом этого развития и важнейших этапов его, а затронул ряд методологических вопросов, дал характеристику древнего оружия, как предмета быта и производства, классификацию типов оружия, обрисовал центры его производства в Средние века и в эпоху Возрождения.

Докладу было предпослано вводное сообщение В. А. Никольского „Об изучении искусства художественной обработки железа“.

Д. Д. Иванова: „К теории искусства шпалерных ковров (гобеленов)“ (9 декабря). В докладе был дан анализ и атрибуция имеющихся в Оружейной палате гобеленов с изображениями на библейские темы. Докладчик пришел к выводу, что terminus a quo для выработки этих гобеленов следует признать год окончания „Страшного Суда“ Микель-Анджело, композиционное влияние которого в них бесспорно оказывается, а terminus ad quem 1553 г., когда для Сигизмунда II Августа была изготовлена серия шпалерных ковров, та же библейская тематика которых, на ряду с чисто гобеленовой техникой, стала затем, в основе, на долго каноничной. Исследование техники и принципов искусства гобеленов привело докладчика к постановке вопроса о двух началах в гобелене—ковровом и картинном, их борьбе и победе, в некоторых случаях картинного начала, примером чего являются шпалерные ковры Оружейной Палаты.

В Подсекции Крестьянского и Коллективного Искусства два доклада Н. Н. Соболева были посвящены искусству резьбы по дереву. В первом из них (заслушан-

ном совместно с Комиссией по изучению примитивного искусства Физико-Психологического Отделения) „Крестьянская резьба в прошлом и в современных кустарных промыслах“ (4 ноября) докладчик, проследив возникновение резьбы по дереву в древней Руси, дал характеристику основных ее типов и наметил общие художественные принципы древне русской резьбы, остановился на попытках ее „возрождения“ в XIX в. и нарисовал общую картину современного состояния соответствующих кустарных промыслов. Второй доклад: „Мастера-резчики Оружейной Палаты по архивным данным XVII в.“ (7 декабря) являлся характеристикой бытового уклада, существовавшего в среде резчиков Оружейной Палаты, и анализом художественных достижений ее мастеров.

Н. Д. Бартрам в своем докладе „Крестьянское искусство и его значение для ребенка“ (10 ноября) подверг анализу внутреннее соответствие, существующее между художественными принципами крестьянского искусства и особенностями творчества восприятия ребенка и поставил вопрос о возможностях использования формальных методов крестьянского искусства в деле эстетического воспитания детей. Доклад был заслушан совместно с Комиссией по изучению вопросов художественного воспитания физико-психологического отделения.

Доклад Е. И. Прибыльской был посвящен проблеме „Отражения искусства и быта в крестьянском шитье“ (форм тематического крестьянского шитья) (22 декабря). Докладчица указала, что сложные сюжеты в крестьянской вышивке обычно заимствованы из лубков и рукописей, причем изображения, переданные в перспективе времени и отображающие далекие темы превращаются в ритмический орнамент, а близкие темы и изображения не являются элементами орнаментального ряда и имеют часто почти реалистическую форму. Докладчица подчеркивает, что при перенесении в вышивку формы из другого вида искусства, техника является настолько самодовлеющей, что подчиняет себе форму.

Подсекция вела кроме того кабинетную работу по подбору библиографических материалов по вопросам крестьянского искусства,

Основная деятельность Комиссии по изучению керамики сосредоточилась в лабораторных занятиях, явившихся продолжением работ истекш. акад. года. Заседания 13 октября, 15 ноября, 3 и 8 декабря были посвящены обсуждению сообщений: С. С. Алексеева: „О методах классификации посудных форм“, Б. А. Миронова: „План проработки материала по изучению и рационализации формы чайника“, А. В. Филиппова: „О централизации художественного руководства на фарфоровых фабриках в Северной Америке“, Е. Ю. Спасской: „О коллекции украинской гончарной посуды, собранной Кустарным Отделом

Киевского Сельско-Хоз. Музея“ и С. С. Алексеева: „Модульное построение посудных форм“, частью явившихся результатом лабораторных работ, частью ставящих проблемы теоретического и практического порядка, требующие проработки в дальнейшем. Кроме того, в Комиссии были заслушаны доклады: 1) С. С. Алексеева: „Экспериментальное обследование форм украинской посуды“ (8 октября). Означенная работа была произведена в художественном Бюро Института Силикатов. Докладчик произвел исследование коллекций гончарной посуды Института Силикатов, пользуясь классификацией форм А. В. Филиппова, каноном В. А. Никольского и схемой построения ручек Г. Земпера. Примененные докладчиком методы изучения позволили научно охарактеризовать как каждое издание в отдельности, так и всю коллекцию в целом, и четко установить количественные отношения, уточняющие изучение форм и ставящие их на научную базу. С другой стороны работа С. С. Алексеева, явившись также проверкой примененных им методов, подтвердила рабочую природность последних; 2) Е. Н. Басовой: „Глиняные скульптурные игрушки и свистульки“ (27 октября). Доклад дал историю глиняных скульптурных фигурок, при чем был привлечен обильный археологический и этнографический материал, вскрыл стабильность форм фигурок, обрисовал их типы и формы в связи с производством их у нас прежде и в настоящее время.

Театрально-Декоративная Комиссия начала свою деятельность докладом А. М. Эфроса: „Последние театрально-декоративные работы наших театров (итоги и перспективы)“, заслушанном совместно с Теоретической Подсекцией, Театральной секции 2 декабря. Анализу последних театрально-декорационных явлений на нашем театре, докладчик предполагал обзор исторических этапов развития взаимоотношений театра и декораций с начала текущего века до революции, установив в этом развитии периоды органические и критические. Системой сценической декорации в первое пятилетие революции докладчик считает футуризм и конструктивизм; в последние годы он констатирует новеллировку театрально-декорационных приемов, а для сегодняшнего дня кризис вещественного оформления спектакля, что, по его мнению, является частью общего кризиса нашего театра в настоящий момент. Единственная неослабившаяся ценность—мастерство актера. Мастера театрально-декорационного искусства из театра вытесняются, с одной стороны делается ставка на „своего“ декоратора, с другой стороны—на реакцию в области изобретательного искусства. Наряду с этим наблюдается тенденция к ретроспективизму („Фигаро“ Головина в МХАТ‘е). Закостенение левых приемов сценического оформления привело к наличию трафаретов в таких театрах как Камерный и Госет. Кризис декоратив-

ного оформления может быть изжит лишь одновременно с разрешением других моментов кризиса сегодняшнего театра: репертуара и режиссуры. По мнению докладчика в скором времени необходима новая встреча на театре репертуара, режиссуры и изобразительного искусства.

Кроме того, С. Д. И. закончила работу по составлению списка терминов для словаря художественной терминологии по разделу Декоративных искусств, при чем составленный Д. Д. Ивановым и дополненный А. В. Филипповым основной список (около 4000 слов) был, согласно общему плану словаря, сведен к списку терминов в количестве около 300. Секция заслушала также образцы статей для словаря, составленные Д. Д. Ивановым.

Наконец, 16 декабря, совместно с экспериментальным Институтом Силикатов и Музеем фарфора Секцией было организовано заседание под председательством В. А. Никольского, посвященное итогам Выставки Советского фарфора в Москве с докладами Б. С. Швецова „Соответствие названия выставки ее содержанию“, Д. Д. Иванова „Сакс, севр и Ленинград“, С. З. Мограчева „Художник и фарфор“ и А. В. Филиппова „Новое в работе Ленинградского завода и художественные задачи фарфоровой промышленности“. Параллельно происходили заседания, созванного Президиумом ВСНХ СССР, жюри по оценке экспонатов названной выставки. В работах жюри приняли участие члены Секции Д. Д. Иванов, В. А. Никольский, А. В. Филиппов, А. М. Эфрос. Постановления жюри напечатаны в № 1 журнала „Керамика и Стекло“.

## Психофизическая Лаборатория.

Работа Психофизической Лаборатории в первом полугодии 1926/27 ак. года заключалась прежде всего в выяснении результатов тех экспериментальных исследований, которые, согласно намеченным в свое время планам, проведены были в предыдущем году, а также в опубликовании совершенно законченных работ.

В названном полугодии увидел свет первый выпуск „Трудов“ Лаборатории, включивший в себя две работы: 1) С. Н. Беляевой-Экземплярской и Б. Л. Яворского: „Восприятие лада“ и С. В. Кравкова „О трансформации цветов“. То обстоятельство, что обе названных работы одновременно приняты к напечатанию в двух лучших немецких психологических журналах — первая в „Archiv für die gesamte Psychologie“, а вторая — в „Psychologische Forschung“, показало, что исследования Лаборатории стоят на уровне западно-европейской науки и входят в сферу очередных проблем этой последней.

Отчетные доклады были даны по двум экспериментальным исследованиям: В. Н. Лапиной по вопросу: „О степенях сознательности и бессознательном в связи с определением геометрических фигур“ (28 октября и 18 ноября 1926 г.) и Е. А. Мальцевой по „Экспериментальному исследованию цветного слуха“ (18 ноября и 25 ноября). Первая работа, проведена по методу реакций на два одновременно выполняемых задания, связанные с восприятием геометрических фигур, со стороны материальной имела в виду осветить проблему восприятия пространственных форм и схватывания относительной величины их элементов, учитывая значение этих моментов в эстетике в связи с принципом об‘единенного многообразия. С формальной же стороны исследовательница интересовалась вопросом о бессознательных переживаниях (в связи с вопросом об отношении сознательного и психического) имея в виду отношение этого вопроса к проблемам психологии художественного творчества.

Результаты работы касаются защиты тезиса возможности бессознательных психических, в частности интеллектуальных, принципов и классификации различных типов и видов знания.

В прениях по докладу указывалось, главным образом, на необходимость привести исследование в более тесную и конкретную связь с проблемами эстетического восприятия и художественного творчества.

Доклад Е. А. Мальцевой, связанный с экспериментальным исследованием нескольких случаев цветного слуха, исходя из тех положений, что явление цветного слуха может быть в достаточной мере исследовано лишь с психологической точки зрения, и что выяснение структурно-психологической роли цветного слуха имеет эстетическое значение, рассматривал это явление, как один из видов синестезии, могущий иметь связь с другими видами синестезии, и устанавливал, что цветовое впечатление может базироваться на каждом из основных элементов слуховых ощущений.

В прениях, помимо частных вопросов—о соотношении с цветовыми моментами звукового восприятия тембра, аккордов и трелей, о соотношении обоих элементов в смысле пространственной локализации,—поставлен был вопрос об основном характере явления цветного слуха, а именно—ограничивается ли явление процессом восприятия (в смысле ощущений) или переходит в область и представления, какова внутренняя структура переживания цветного слуха,—имеется ли отожествление обоих элементов (цветного и звукового переживания) или только своеобразное единство их, хотя бы и очень тесное, не обясняются ли крайне формы изучаемого явления (распространение „звуковой окраски“ на все воспринимаемые предметы) интеллектуальным навязыванием и вообще патологическими уклонами, не является ли „цветной слух“ своеобразной галлюцинацией. Докладчица на основании своих наблюдений отвечала, что закономерность явления никак не позволяет обяснять его патологическими уклонениями, что цветной слух не является галлюцинацией, а относится к области восприятия (ощущений), переходя и в область представления, при чем—несмотря на неразрывную связь элементов в явлении цветного слуха,—один из элементов обычно имеет преимущество (звуковой).

Работа Е. А. Мальцевой после приведения некоторых дополнительных отзывов предназначена к опубликованию в „Трудах“ Лаборатории.

Собирание экспериментального материала продолжалось в исследованиях: Л. В. Благонадежиной „О музыкальном узнавании“, С. С. Скрябина „Об эстетической абстракции“, В. М. Экземплярского „О типах словесного и предметного представления“, О. И. Никифоровой „О геометрической композиции картин“, А. Н. Залеской „Об эстетическом воздействии геометрических фигур“, С. С. Толстого „Об эстетическом воздействии цветного орнамента“.

В истекшем полугодии начато было новое экспериментальное исследование С. А. Жекулинана тему „О трансформации зрительных образов при воспоминании“; кроме того проведены были подготовительные работы по принятому в Лаборатории плану исследования Б. Н. Компанейского на тему: „Эстетическое воздействие последовательных зрительных впечатлений“, заключавшиеся в изготовлении специального прибора для последовательного предъявления цветовых раздражений и приготовлении красок по Оствальдовской скале.

Аспиранткой Т. Е. Карповцевой заканчивалась обработка материала по исследованию „эстетического воздействия художественных картин“, а также разрабатывался план исследования „субъективной ритмизации“, при чем обе темы связаны с изучением вопроса об об‘ективном и субъективном факторах эстетического восприятия“.

Разработка материала по проведенным исследованиям велась Э. К. Розеновым по вопросу об „осознавании симметрии в музыкальных формах“, Н. П. Ферстер по вопросу „взаимоотношении зрительных и моторных моментов при восприятии формы“, В. А. Паульсен-Башмаковой „о геометрическо-оптических иллюзиях“.

Разработка плана новых исследований велась С. Н. Беляевой-Экземплярской на тему „о восприятии лада“, М. И Медведевой на тему „об об‘еме музыкального восприятия симметрии в различные возрасты детей“, С. В. Кравковым по вопросу о „восприятии цветного освещения“, Н. А. Черниковой по вопросу о „пороге восприятия единства и множества“ (в связи с проблемой Gestalttheorie) и Е. С. Хинкис на тему об „эстетическом воздействии простых форм“.

Изменения в личном составе сотрудников Лаборатории в этом году сводились к зачислению в штат аспиранток Лаборатории: В. Н. Ланиной и Т. Е. Карповцевой, а также аспирантки по Музыкальной Секции—Л. В. Благонадежиной, ведущей в Лаборатории экспериментальную работу.

В истекшем полугодии Лаборатория начала деятельность по выяснению принципиальных оснований для своей работы в области опытного психофизического исследования проблем эстетики и искусствознания. В этом направлении ею намечен был ряд докладов, как по общим методологическим проблемам—об отношении эстетики к психологию, о дифференциально-психологическом подходе к изучению проблем эстетики, об отношении общего искусствоведения к специальному, о соотношении между теорией музыки и музыкальной психологией, так и по специальным вопросам о работах в области психологической оптики и проблем восприятия формы в их отношении к эстетике.

В истекшем полугодии из этого плана был осуществлен один доклад С. С. Скрябина (21/XII 1926 г.) на тему „О психологическом методе в эстетике“. Обсуждение его было проведено в совместном заседании сотрудников Лаборатории и Пленума Философского Отделения.

Докладчик, исходя из определения эстетики, как науки об эстетической ценности, защищал положение, что эстетика входит в состав психологии, останавливался на предпосылках противостоящих одно другому „психологического“ и „феноменологического“ обоснования эстетики, выяснял специфические признаки „эстетической ценности“ и кратко коснулся различных путей психологического исследования в эстетике. В прениях указывалось на трудность защиты тезиса исключительности психологической эстетики, если таковой отстаивается докладчиком, на недостаточную обоснованность в докладе определения эстетики, как науки о ценности и на необходимость более конкретного рассмотрения вопроса о применении (возможность какового является бесспорным) психологического метода в эстетике. Продолжение названных выше принципиальных докладов отнесено на ближайшее полугодие.

## Хореологическая лаборатория.

Хореологическая Лаборатория ГАХН за период сентябрь—декабрь 1926 г. имела 6 научных заседаний, которые по принятому плану работ распределяются следующим образом: по пункту I-му, общей проблематике искусства движения, был заслушан доклад Э. И. Елгаштиной—„Танец будущего“, в котором докладчица пыталась наметить схему реформированного танца, исходя из анализа канонов древних античных и египетских танцев, на основе также строго-канонизированного движения; по пункту II и III-му плана, а именно по вопросам координации художественного движения и его временно-пространственным началам были заслушаны следующие доклады: Е. В. Яворского—„Теория композиции движения“, в котором докладчик с одной стороны, трактовал законы композиции движения на основе анализа его физико-механических основ, а с другой стороны—на основе анализа оптического аппарата зрителя (роль симметрического движения оптических осей глаза зрителя и проч.) и доклад Н. С. Познякова—„Разновидности симметрии и ее роль в организации художественного движения“, в котором докладчик анализировал один из видов симметрии, а именно зеркальный вид, и определил ее значение для композиции движения; по пункту IV-му плана, по вопросам изучения систем записи движения, были заслушаны доклады, касающиеся проблем фотографической фиксации движения, предваряющие намеченную очередную 3-ю выставку Искусства Движения, а именно: А. А. Сидорова—„Фотография и искусство движения“, А. И. Ларионова—„Задачи 3-ей выставки искусства движения“ и Е. О. Пиотровского—„Фотографирование движения“, по пункту VI-му плана, по вопросу изучения стиля движения был заслушан доклад Я. Н. Андронникова—„Современные американские танцы“. Этот последний доклад был организован одновременно с рядом заседаний секции по изучению пляски при научно-техническом комитете ВСФК, посвященных физкультурной и физиологической оценке современного городского танца.

За указанный период времени хореологической лабораторией производились также экспериментальные занятия под руководством А. И. Ларионова и А. А. Сидорова.

Под руководством А. И. Ларионова было проведено 16 занятий, по следующим, намеченным в плане, разделам:

1) По вопросу изучения явлений симметрии в пластических положениях и движениях. Было констатировано наличие симметрии трех видов: отражения, вращения и параллелограммических сеток, а кроме того — различных их комбинаций; было калькировано и зарисовано много изображений, и этот материал соответственно классифицирован; кроме того, был произведен анализ нескольких систем движения (в частности, шведской гимнастики и гимнастики Мюллера) в отношении пропорциональности содержащихся в них видов симметрического положения и движения.

2) По вопросу изучения архитектоники движения был произведен анализ нескольких классических и пластических танцев, который позволил установить, что сложное художественное движение состоит из сравнительно-небольшого числа простых элементов, которые распределяются в процессе танца подчинаясь определенным законам симметрического расположения; равным образом, путь по площадке не произволен, а представляет собой симметрически-построенную графическую схему.

3) Были произведены кино-с'емки нескольких пластических движений, и на основе временно-пространственного анализа кино-кадров построены кривые, форма которых, будучи функционально связана с движением, определяла собой характер последнего.

4) Проблема реконструкции стилей движения разрабатывалась только в одной своей части, а именно в отношении археологического вопроизведения костюма и положений тела в соответствии с образцами искусства античной и архаической Греции; дальнейшая задача заключается в установлении пластического канона и траекторий движения; только об'единив эти три линии изыскания, можно будет приступить к опытному воспроизведению античного стиля движения.

Под руководством А. А. Сидорова были произведены занятия по применению выработанных хореологической лабораторией приемов анализа и записи к движениям характера не-танцевального. Здесь было наиболее интересно найти способ фиксации движений сценических, связанных с известным действенным содержанием. Работа в этом направлении привела к установлению определенных способов рассмотрения сценария, проходящего перед фиксирующим аппаратом — фотографическим об'ективом или восприятием художника — как развертывающейся единой линии движения, образующей особые „узлы“, требующие к себе более повышенного внимания. Обработка полученного материала составляет содержание работ Хореологической Лаборатории в ближайшее время.

Несколько в стороне, но в тесной связи с проработкою „связных движений“ стоит и ведшаяся А. А. Сидоровым работа

по выявлению влияния освещения на движение и показ. Полученные экспериментальным путем материалы фиксированы в ряде диаграмм и фото-иллюстраций.

В порядке работ по фото-записи А. А. Сидоров разрабатывал способ т. наз. „мультипликационных“ снимков, фиксирующих на одной пластинке последовательный ряд разновременных движений, давая весьма наглядный материал для анализа занимаемой движущейся фигурой пространственной площади и композиции самого движения.

За указанный период имело место 10 заседаний секции по изучению пляски при НКТ ВСФК; из наиболее важных предметов заседаний можно отметить следующие: отчет одного из членов секции по поездке в Архангельскую губ. и в Украину с целью собирания и записи народных плясок; произведенная секцией опытная запись народных плясок согласно составленной анкеты; ряд заседаний, посвященных физкультурной оценке современных американских танцев, на основе которых была вынесена резолюция, утвержденная президиумом НКТ ВСФК; организация Бюро Научной Информации по вопросам искусства движения, для проведения совместных публичных дискуссий и докладов от секции по пляске ВСФК, Хореологической Лаборатории ГАХН и Кабинета Восточного Театра Института Изучения Народов Востока СССР и наконец, ряд организованных просмотров народных плясок СССР и Запада.

## Приложения.

Утв. Презид. Коллег.  
НКП 5 августа 1926 г.

# У С Т А В

Государственной Академии Художественных Наук.

## I. Общие положения.

§ 1. Государственная Академия Художественных Наук есть высшее ученое учреждение, имеющее целью всестороннее исследование всех видов искусств и художественной культуры.

§ 2. ГАХН находится в Москве и состоит в ведении Главнауки Наркомпроса.

§ 3. ГАХН ставит своими задачами: 1) путем аналитического изучения отдельных искусств синтезирование искусствоведческих наук в трех основных направлениях: социологическом, психофизическом и философском; 2) тесное сближение с современностью в научном исследовании и практической деятельности; 3) вовлечение в искусствоведческую работу молодого поколения научных деятелей; 4) установление в качестве основного типа работы коллективной, осуществляющей по общему производственному плану, углубляя вместе с тем исследования в сторону их специализации и стремясь обеспечить своим сотрудникам осуществление их индивидуальных научных замыслов.

§ 4. В плане осуществления своих научно-исследовательских задач ГАХН организует библиотеку, лабораторные работы, систематическое собирание искусствоведческих коллекций, открывает свои филиальные отделения и всякого рода научные, научно-спомогательные и научно-производственные учреждения, снаряжает научные экспедиции, назначает научные командировки в пределах Союза и заграницу и т. п.

§ 5. ГАХН всеми мерами содействует развитию и распространению знаний по искусству, организуя самостоятельно и в сотрудничестве с другими учреждениями с'езды, научные эпизодические и систематические курсы, выставки, публичные лекции и собрания, выпускает в свет популярные издания.

§ 6. ГАХН публикует отчеты о своей деятельности, повременные издания и отдельные печатные труды.

§ 7. Средства на содержание ГАХН отпускаются по сметам Главнауки Наркомпроса.

§ 8. ГАХН имеет свою печать и пользуется правом юридического лица.

## II Научная организация ГАХН.

§ 9. ГАХН состоит из отделений, изучающих все виды искусства в общеметодическом плане, секций, изучающих отдельные виды искусства, отделов, изучающих искусства по специальным и комплексным группировкам, кабинетов, лабораторий и научно-вспомогательных и научно-производственных учреждений.

Отделения, секции и отделы могут выделять из своего состава подсекции и постоянные и временные комиссии.

§ 10. Под научным руководством ГАХН могут состоять ассоциации и общества, работающие в области искусства и возникающие на основании существующих законоположений об обществах и ассоциациях, а также научно-производственные учреждения, возникающие на основании существующих законоположений о хозрасчетных предприятиях.

## III. Состав ГАХН.

§ 11. Научный состав ГАХН образуется из следующих лиц: а) почетных членов, б) действительных членов, в) членов корреспондентов, г) научных сотрудников 1 и 2 разрядов и д) аспирантов.

§ 12. Почетными членами ГАХН избираются особо выдающиеся деятели в области наук об искусстве или художественного творчества.

§ 13. Почетные члены избираются конференцией ГАХН и утверждаются Наркомом по Просвещению.

*Примечание:* В неотложных случаях избрание почетных членов производится Ученым Советом с последующим докладом конференции.

§ 14. Действительными членами ГАХН избираются деятели в области наук об искусстве, обладающие соответствующей квалификацией.

Действительные члены ведут самостоятельные научно-исследовательские работы и выполняют соответственные задания Академии, а также могут заведывать научными и научно-вспомогательными учреждениями ГАХН.

Количество действительных членов определяется штатами ГАХН.

*Примечание:* Действительные члены Академии, не выполнившие в течение года ни одной ученой работы, либо научного поручения Академии, считаются по постановлениям Ученого Совета выбывшими из числа действительных членов.

§ 15. Членами корреспондентами ГАХН избираются лица, по своей квалификации приравниваемые к действительным членам, но не имеющие возможности принимать непосредственное и непрерывное участие в работе ГАХН.

Число членов-корреспондентов определяется постановлениями конференции ГАХН.

§ 16. Кандидатуры в действительные члены и члены-корреспонденты выдвигаются соответствующими отделениями и секциями Академии.

Избрание действительных членов ГАХН, а равно избрание в заведующие научно-вспомогательными и научно-производственными учреждениями лиц, не принадлежащих к научному составу ГАХН, производится, по открытии вакансии, Ученым Советом ГАХН. От избираемых требуется представление подробных жизнеописаний и ученых трудов. Избрание производится открытым голосованием простым большинством голосов, при кворуме не менее 2/3 состава Ученого Совета. Тем же порядком избираются и члены-корреспонденты ГАХН.

§ 17. Действительные члены и члены-корреспонденты по избранию их Ученым Советом и по представлению конференции, с заключением Государственного Ученого Совета и Главнауки, утверждаются Наркомом по просвещению.

§ 18. Научные сотрудники ГАХН I разряда, являясь ближайшими помощниками действительных членов в их научной деятельности, избираются из числа лиц, обладающих соответствующим научным стажем, и ведут свою научную работу под руководством и наблюдением действительных членов. В частности на научных сотрудников может быть возложено, по постановлению Ученого Совета, временное заведование кабинетами и научно-вспомогательными учреждениями ГАХН.

§ 19. Научные сотрудники 2 разряда готовятся к самостоятельной научной деятельности, исполняют вспомогательную научную и лабораторную работу под руководством действительных членов и научных сотрудников I разряда и представляют два раза в год через своего руководителя в соответствующий отдел отчет о своей деятельности.

*Примечание:* Научные сотрудники I разряда, не представившие в течение года отчета о своей деятельности в Академии или не выполнившие ни одной научной работы, равно как и сотрудники 2-го разряда, не выполнившие обязанности представления отчетов о своей работе, считаются, по постановлениям Ученого Совета выбывшими из числа научных сотрудников.

§ 20. Кандидатуры в научные сотрудники выдвигаются действительными членами ГАХН, представляются на избрание Ученого Совета в порядке ст. 16, при условии предварительного прочтения кандидатом научного доклада. Научные сотрудники утверждаются Государственным Ученым Советом по представлению Главнауки.

§ 21. Количество научных сотрудников 1 и 2 разрядов определяется штатами ГАХН, при чем по усмотрению Ученого Совета, могут быть избираемы внештатные научные сотрудники

в количестве не более половины штатных. Внештатные научные сотрудники утверждаются ГУС'ом по представлению Главнауки и в отношении научной работы пользуются правами штатных.

§ 22. Для исполнения специальных поручений отделений, секций и других постоянных ячеек ГАХН привлекаются временные сотрудники сроком не более как на 1 год.

§ 23. Аспирантами ГАХН состоят лица, подготовляющиеся при ГАХН к научно-исследовательской деятельности на основе особых о них положений, издаваемых Государственным Ученым Советом.

#### IV. Органы управления Академии.

§ 24. Высшим органом научного управления ГАХН является конференция ее членов, созываемая не реже одного раза в год под председательством президента ГАХН.

§ 25. В состав конференции входят почетные члены, штатные действительные члены и штатные научные сотрудники 1 и 2 разрядов.

§ 26. В круг ведения конференции входят: а) избрание президента, ученого секретаря и членов правления; б) утверждение производственных планов ГАХН и отчетов Ученого Совета и Президиума; в) избрание и утверждение почетных членов; г) утверждение избранных Ученым Советом кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты и определение числа последних; д) рассмотрение устава и структуры ГАХН; е) рассмотрение всякого рода вопросов, возникающих в деятельности ГАХН.

§ 27. Органом непосредственного руководства деятельностью ГАХН является Ученый Совет, собирающийся не реже 2 раз в месяц в составе президента, вице-президента и ученого секретаря ГАХН, председателей всех отделений и секций ГАХН.

§ 28. В частности на Ученый Совет возлагаются: а) представление кандидатов в почетные члены; б) избрание действительных членов, членов-корреспондентов и научных сотрудников; в) утверждение в должности председателей и ученых секретарей отделений, секций, подсекций и комиссий, а также и заведующих состоящими при отделениях и секциях кабинетами и лабораториями; г) избрание заведующих отделами, научно-вспомогательными и научно-производственными учреждениями, а также кабинетами и лабораториями, не состоящими при отделениях и секциях; д) назначение не входящих в научный состав ГАХН лиц для выполнения научных, научно-вспомогательных и научно-технических работ ГАХН; е) утверждение положений, производственных планов и отчетов всех отдельных научных, научно-вспомогательных и научно-производственных

ячеек и учреждений ГАХН; ж) составление обще-академических производственных планов и отчетов; з) утверждение смет ГАХН и ее учреждений; и) рассмотрение и разрешение всякого рода текущих вопросов научной, научно-вспомогательной и научно-производственной деятельности ГАХН.

§ 29. Отделения и секции ГАХН управляются во внутренней своей жизни президиумами, в состав которых входят председатели, ученые секретари и не менее одного члена из числа научного состава отделения или секции.

В случае надобности, президиумы созывают распорядительные заседания всех членов и научных сотрудников данного отделения или секции.

§ 30. Председатели и ученые секретари отделений, секций, подсекций, комиссий, а также заведующие кабинетами и лабораториями при отделениях и секциях избираются на 3 года на общих собраниях всех действительных членов и штатных научных сотрудников данного отделения или секции и утверждаются Ученым Советом.

*Примечание:* На тот же срок избираются Ученым Советом заведующие отделами, а также кабинетами и лабораториями, не состоящими при отделениях и секциях. Заведующие научно-вспомогательными и научно-производственными учреждениями назначаются президиумом.

§ 31. Исполнительным органом Ученого Совета является Президиум в составе председателя-президента, вице-президента, 2 членов и ученого секретаря.

§ 32. На Президиум возлагается ведение и разрешение всех текущих административно-хозяйственных дел ГАХН; установление внутреннего распорядка работ; рассмотрение смет ГАХН и ее вспомогательных учреждений и представление их на утверждение Ученого Совета; наблюдение за исполнением постановлений Ученого Совета; назначение лиц административного и технического персонала; выполнение всякого рода поручений Ученого Совета и т. п.

§ 33. Президент ГАХН имеет право в случаях, не терпящих отлагательства, единоличного решения всех административно-хозяйственных дел ГАХН, с последующим докладом Президиуму.

§ 34. Президент ГАХН является ответственным за всю деятельность ГАХН и председательствует на конференции, в Ученом Совете и Президиуме ГАХН.

§ 35. Вице-президент ГАХН, являясь руководителем административно-хозяйственной ее части, замещает президента во всех случаях его отсутствия.

§ 36. На ученого секретаря возлагается согласование научной работы ГАХН, доклады на заседаниях конференции и Ученого Совета и редактирование официальных изданий ГАХН.

§ 37. Президент, вице-президент и ученый секретарь ГАХН и два члена Президиума избираются конференцией из числа действительных членов ГАХН и после заключения Главнауки и с представлением через нее делопроизводства по избранию утверждаются Наркомом по Просвещению. Президент, вице-президент и ученый секретарь избираются сроком на три года, а два члена Президиума сроком на один год.

---

### Распоряжение по НКП № 41.

Президиум Государственной Академии Художественных Наук утвержден в нижеследующем составе:

Президент—П. С. Коган.

Вице-Президент—Г. Г. Шпет.

Ученый Секретарь—А. А. Сидоров.

Член Президиума—Б. В. Шапошников.

Член Президиума—В. А. Филиппов.

Нарком по просвещению (А. Луначарский).

16 февраля 1927 г.

Верно: Зав. Общай Канцелярией (Подпись).

### Распоряжение по Наркомпросу № 42.

Настоящим утверждаются действительные члены и члены корреспонденты Государственной Академии Художественных Наук в нижеследующем составе:

#### ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

1. Бартрам, Николай Дмитриевич.
2. Волков, Николай Дмитриевич.
3. Жинкин, Николай Иванович.
4. Каптерев, Павел Николаевич.
5. Кубиков, Иван Николаевич
6. Лосев, Алексей Федорович.
7. Марков, Павел Александрович.
8. Медведева, Мария Ивановна.
9. Попов, Сергеевич.
10. Попов, Павел Сергеевич.
11. Рыльский, Иван Васильевич.
12. Федоров-Давыдов, Алексей Александрович.

13. Филиппов, Алексей Васильевич.
14. Цирес, Алексей Германович.
15. Цявловский, Мстислав Александрович.
16. Четвериков, Иван Пименович.
17. Эйхенгольц, Марк Давыдович.
18. Экземплярская, София Николаевна.
19. Эфрос, Абрам Маркович.
20. Яковлев, Василий Васильевич.

### ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

1. Александрова, Н. Г.
2. Алпатов, М. В.
3. Арватов, Б. И.
4. Ахманов, А. С.
5. Бачинский, А. И.
6. Браудо, Е. М
7. Брунов, Н. И.
8. Брюсова, Н. Я.
9. Ватагин, В. В.
10. Вересаев, В. В.
11. Верховский, Ю. Н.
12. Виноградов, Н. Д.
13. Винокур, Г. О.
14. Волькенштейн, В. М.
15. Вольтер, А. А.
16. Гвоздев, А. А.
17. Гинзбург, М. Я.
18. Георгиевский, Г. П.
19. Голдобин, А. В.
20. Гольденвейзер, А. Б.
21. Гордон, Г. С.
22. Грабарь, И. Э.
23. Городцов, В. А.
24. Грифцов, Б. А.
25. Грузинский, А. Е.
26. Денике, Б. П.
27. Денике, Ю. П.
28. Дживилегов, А. К.
29. Дульский, П. М.
30. Егоров, Д. Н.
31. Жиляев, Н. С.
32. Жолтовский, И. В.
33. Эванский, И. Г.
34. Игнатов, С. С.
35. Иванов, Вяч. И.
36. Игумнов, К. Н.
37. Каган, М. И.
38. Кандинский, В. В.
39. Качалов, В. И.
40. Клевенский, М. М.
41. Кондратьев, А. И.
42. Кравченко, А. И.
43. Кузьминский, К. С.
44. Лазарев, В. Н.
45. Лазаревский, И. И.
46. Ламанова, Н. П.
47. Ламм, П. А.
48. Лейберг, П. Б.
49. Лифшиц, С. Я.
50. Луначарский, А. В.
51. Мальцева, Е. А.
52. Маца, И. Л.
53. Машковцев, Н. Г.
54. Мюллер, В. К.
55. Мясковский, Н. Я.
56. Нейгауз, Г. Г.
57. Нейман, В. И.
58. Немирович-Данченко, В. И.
59. Новицкий, П. И.
60. Новосадский, Н. И.
61. Озаровская, О. Э.
62. Орлов, А. С.
63. Пасхалов, В. В.
64. Перцов, П. П.
65. Петров, Н. В.
66. Петровский, А. П.
67. Пешковский, А. М.
68. Покровский, М. Н.
69. Поливанов, И. Л.
70. Полонский, В. П.
71. Попов, Н. А.
72. Попов, Н. П.

- |                                   |                        |
|-----------------------------------|------------------------|
| 73. Протасов, Н. Д.               | 91. Ферстер, Н. П.     |
| 74. Радиг, С. И.                  | 92. Фигнер, В. М.      |
| 75. Районов, Т. И.                | 93. Фохт, Б. А.        |
| 76. Рачинский, Г. А.              | 94. Фриче, В. М.       |
| 77. Рейснер, М. А.                | 95. Ушаков, Н. Д.      |
| 78. Ренчицкий, П. Н.              | 96. Херсонская, Е. П.  |
| 79. Розанов, И. Н.                | 97. Хессин, А. Б.      |
| 80. Романов, Н. И.                | 98. Шамбинаго, С. К.   |
| 81. Саккетти, А. Л.               | 99. Шеншин, А. А.      |
| 82. Серейский, М. Я.              | 100. Шмит, Ф. И.       |
| 83. Смирнов-Кутачевский,<br>А. М. | 101. Шнейдер, А. К.    |
| 84. Станиславский, К. С.          | 102. Шор, Е. Д.        |
| 85. Столпнер, Б. Г.               | 103. Штеренберг, Д. П. |
| 86. Таиров, А. Я.                 | 104. Шувалов, С. В.    |
| 87. Телешев, Н. Д.                | 105. Щусев, А. В.      |
| 88. Тихонович, Б. В.              | 106. Щелкунов, М. И.   |
| 89. Тугендхольд, Я. А.            | 107. Южин, А. И.       |
| 90. Успенский, Н. Е.              | 108. Яворский, Б. Л.   |
|                                   | 109. Яэвицкий, В. И.   |

Нарком по Просвещению (*А. Луначарский*)

15 февраля 1927 г.

Верно: Зав. Общей Канцелярией (Подпись).

---

### ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ Г. А. Х. Н.

1. Адарюков, Владимир Яковлевич.
2. Аксельрод, Любовь Исааковна.
3. Анисимов, Александр Иванович.
4. Бакушинский, Анатолий Васильевич.
5. Бартрам, Николай Дмитриевич.\*
6. Бахрушин, Алексей Александрович.
7. Беляев, Виктор Михайлович.
8. Бродский, Николай Леонтьевич.
9. Волков, Николай Дмитриевич.\*
10. Габричевский, Александр Георгиевич.
11. Гарелин, Николай Федорович.
12. Гливенко, Иван Иванович.
13. Гроссман, Леонид Петрович.
14. Гудзий, Николай Калинникович.
15. Гуревич, Любовь Яковлевна.
16. Добров, Матвей Алексеевич.
17. Домогацкий, Владимир Николаевич.

18. Жинкин, Николай Иванович.
19. Иванов, Дмитрий Дмитриевич.
20. Иванов-Борецкий, Михаил Владимирович.
21. Каптерев, Павел Николаевич.\*
22. Карпов, Павел Иванович.
23. Кашин, Николай Павлович.
24. Коган, Петр Семенович.
25. Козьмин, Борис Павлович.
26. Конюс, Георгий Эдуардович.
27. Кубиков, Иван Николаевич.\*
28. Кузнецов, Константин Алексеевич.
29. Ларионов, Александр Илларионович.
30. Лосев, Алексей Федорович.\*
31. Львов-Рогачевский, Василий Львович.
32. Марков, Павел Александрович.\*
33. Медведева, Мария Ивановна.\*
34. Мориц, Владимир Эмильевич.
35. Недович, Дмитрий Саввич.
36. Некрасов, Алексей Иванович.
37. Никольский, Виктор Александрович.
38. Новиков, Иван Алексеевич.
39. Переверзев, Валериан Федорович.
40. Петровский, Михаил Александрович.
41. Пиксанов, Николай Кириакович.
42. Поляков, Сергей Александрович.
43. Попов, Павел Сергеевич.\*
44. Попов, Сергей Сергеевич.\*
45. Родионов, Александр Михайлович.
46. Розенов, Эмилий Карлович.
47. Рыльский, Иван Васильевич.\*
48. Сакулин, Павел Никитич.
49. Сахновский, Василий Григорьевич.
50. Сидоров, Алексей Алексеевич.
51. Соколов, Борис Матвеевич.
52. Соколов, Юрий Матвеевич.
53. Терновец, Борис Николаевич.
54. Фабрикант, Михаил Исаакович.
55. Федоров-Давыдов, Алексей Александрович.\*
56. Филиппов, Алексей Васильевич.\*
57. Филиппов, Владимир Александрович.
58. Цирес, Алексей Германович.\*
59. Цявловский, Мстислав Александрович.\*
60. Челпанов, Георгий Иванович.
61. Четвериков, Иван Пименович.\*
62. Чулков, Георгий Иванович.
63. Шапошников, Борис Валентинович.
64. Шервинский, Сергей Васильевич.

65. Шпет, Густав Густавович.
66. Эйхенгольц, Марк Давидович.\*
67. Экземплярская, София Николаевна.\*
68. Экземплярский, Владимир Михайлович.
69. Эттингер, Павел Давидович.
70. Эфрос, Абрам Маркович.\*
71. Юон, Константин Федорович.
72. Яковлев, Василий Васильевич.\*
73. Ярхо, Борис Исаакович.

*Примечание: Фамилии, помеченные \* принадлежат членам Академии, утвержденным 16 февраля 1927 г. (см. выше)*